

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

Глава вторая

“ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА...”

Крайне важно понять, что нас, государственников, патриотов и почвенников, как правило, вышедших из крестьянства и простонародья, бесповоротно отделили от “шестидесятников” “оттепели” социальные, исторические, национальные и даже религиозные разногласия. Но кроме них, в наших распрях было немало всяческих болевых точек, из-за которых мы с каждым годом всё дальше и дальше отплывали друг от друга. Одна из этих точек называлась “Иосиф Сталин”. Проклиная Сталина, “дети XX съезда” вольно или невольно закрывали глаза на то, как думали и что писали о Сталине их знаменитые кумиры Серебряного века. Андрей Вознесенский, кричавший на вечерах поэзии в Политехническом и в Лужниках о “государственных усах” Сталина, испачканных “кровью”, предавал Пастернака, перед которым якобы благоговел, потому что именно с Пастернака, с цикла его стихотворений о Сталине началась поэтическая сталиниана XX века:

*А здесь на дальнем расстоянии
За древней каменной стеной
Живёт не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.*

Весь этот “сталинский” стихотворный цикл Бориса Леонидовича был опубликован в газете “Известия” в январе 1935 года.

Белла Ахмадулина, которая, кощунственно кривляясь, декламировала: “За Мандельштама и Марину // я отогреюсь и поем”, — унизила того же Мандельштама, восславившего Сталина в своей знаменитой “Оде” и повинившегося в 1936 году перед вождём за недостойную эпиграмму 1932 года:

*И к нему, в его сердцевину
Я без пропуска в Кремль вошёл,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжёл.*

Евгений Евтушенко в своей Антологии “Строфы века” так оценил “сталинские стихи” Анны Ахматовой: “Одно из самых страшных испытаний обрушилось на Ахматову после повторного ареста сына, когда её, как заложницу, вынудили признать партийную критику правильной, а затем написать целый цикл угодливых стихов: “Лишь бы отстали! Лишь бы выпустили Лёву! Лишь бы они не нашли “Реквием”!” Кто посмеет в неё бросить камень?

Но к её чести, все эти стихи были так плохи, что никому не могли понравиться”.

Чтобы показать развязность и пошлость этих суждений, вспомним стихи из этого ахматовского цикла:

ПОКОРЕНИЕ ПУСТЫНИ

*Чей дух извечно-молодой
Над этим краем веял,
Пустыню напоил водой
Прохладною и золотой
Пшеницею засеял!..*

*Там, где, рождаясь, суховей
С тупым упорством дул,
Сжигая дальний цвет степей, —
Там легонькая тень ветвей,
Черкез и саксаул.*

*Цветут хлопковые поля
И великаны тополя,
Где птица не летала.
Чья воля провела канал
Там, где верблюды изнемогал
И вихрь песчаный заметал
Иссохший труп шакала?..*

И ещё одно из стихотворений этого цикла написано с подлинным вдохновением:

СЕВМОРПУТЬ

*Чей разум угадал сквозь льды
Давно желанный путь,
Куда ничьи не шли следы,
Где замерзает ртуть,
Там каждый день и каждый час
Всему конец готов,
Но чуток слух и зорек глаз
Советских моряков.
Под северным сиянием,
Когда цветут снега,
Под злобным завыванием,
Когда летит пурга, —
Опаснейшей из всех дорог
Корабль доверив свой,
Не ослабел, не изнемог
Тот разум огневой!..*

Эти стихи написаны не просто о Сталине (его имя даже не названо здесь), но ещё и в честь осуществления мечты русского народа об озеленении лесами южных земель России, где “природа жадующих степей” обрекала крестьян на засухи, на бесплодные труды и на голодные годы. А Северный морской путь тоже был великой мечтой и народа, и его правителей от Ивана Грозного и до Петра Первого, от Иосифа Сталина и до Владимира Путина.

И оба стихотворения написаны с патетическим блеском, который давался Ахматовой лишь в состоянии творческого подъёма. Во всяком случае, “просталинские” стихи Евтушенко, написанные в 1952 году (“Я знаю, Вождю бесконечно близки // мысли народа нашего, // я знаю, здесь расцветут цветы, // ведь об этом мечтаем я и ты, // значит, думает Сталин об этом. // Я знаю, грядущее видя вокруг, // склоняется этой ночью // самый мой лучший на свете друг // в Кремле над столом рабочим...”, “Слушали и знали // олениводы-звенки: // это отец их Сталин // им счастье вручил навеки...” и т. д.), настолько по-лакейски угодливы и поэтически беспомощны, что рядом с ними рифмованные оды какого-нибудь Грибачёва кажутся образцами “державной лирики”. А что касается слов Е. Е. об Ахматовой: “Кто бросит в неё камень?” – то посмел это сделать её сын Лев Гумилёв, дважды побывавший в сталинских лагерях, сказавший: “Когда меня забирали, она осталась одна, худая, голодная, нищая. Когда я вернулся, она уже была другой – толстой, сытой и облепленной евреями, которые сделали всё, чтобы нас разлучить” (М. Кралин. “Победившее смерть слово”).

А либеральный “шестидесятник” из военного поколения поэтов Александр Межиров? Не он ли с беспредельной искренностью пропел осанну Сталину в книге “Коммунисты, вперёд”, вышедшей в свет одновременно со сталинским циклом Е. Евтушенко?

*Эта речь в ноябре не умолкнет червонном
И во веки веков.
Это Сталин приветствует башенным звоном
Дорогих земляков...*

(Стихотворение “Горийцы слушают Москву” из книги “Коммунисты, вперёд”, 1952 год.)

Но мало этого. Через несколько месяцев после выхода в свет книги “Коммунисты, вперёд!” Александр Петрович в мартовские дни 1953-го сочинил воистину потрясающий реквием Сталину, текст которого до сих пор никому не известен, – ни знатку межировской поэзии Илье Фаликову, ни дочери поэта Зое, поэтессе и литературоведке, ныне проживающей в США. Дело в том, что это стихотворение, написанное сразу после смерти вождя, было передано в “Литературную газету”, но осталось неопубликованным, и лишь через шестьдесят лет, когда в двухтысячном году мы с сыном Сергеем составляли антологию стихов русских поэтов о Сталине, оно было случайно обнаружено в архиве “Литгазеты”, находящемся в РГАЛИ, в отдельной папке, где, кроме межировского, хранились стихи, написанные на смерть Сталина поэтами Арсением Тарковским и Фёдором Белкиным.

Стихи Тарковского не были напечатаны, скорее всего, потому, что он в те годы обладал репутацией переводчика, а не поэта.

Да и Фёдора Белкина как поэта, живущего в Красноярске, в столице, видимо, не знали... Но Александр Межиров, известнейший из молодых, фронтвик, надежда советской поэзии, написал:

*Не дышит... И дышать труднее людям.
Не видит... И глаза обволокло.
Но всем смертям назло мы будем, будем
Дышать и видеть — всем смертям назло.
Открыты двери траурного зала,
И очередь, что издали видна,
Повязкой чёрной город повязала,
Всю землю опоясала она.*

.....

Переведу дух и прерву поток страстного поэтического реквиема, и прошу читателя поверить мне, что с такой искренностью и страстью в те траурные дни нечто подобное не сумел извать ни один из стихотворцев, обслуживавших официальную идеологию сталинской эпохи, – ни Сергей Михалков, ни Николай Грибачёв, ни Анатолий Сафронов, ни даже Константин Симонов с Александром Твардовским...

Разве что из-под пера Михаила Исаковского вышло нечто живое, человеческое, родственное русскому народному плачу: “Мы так Вам верили, товарищ Сталин, // как, может быть, не верили себе”. Но в реквиеме Межирова, которому молодой поэт дал название “Солдаты Сталина”, градус преданности и государственной скорби куда выше:

*Перед лицом невиданной утраты,
Перед лицом неслыханной беды
Тебе клянутся в верности солдаты,
Тесней сомкнув железные ряды.
Он с нами шёл во всех боях кровавых
Путём неотвратимой правоты.
В огне на самых трудных переправах
Навёл нам всем понтонные мосты.
Он охранял наш отдых на биваке,
И нам не раз казалось, что в бою
На проволоку в трудный миг атаки
Он для солдат бросал шинель свою.
И легче нам сто раз пойти под пули,
На пулемёты ринуться опять,
Чем выстоять в почётном карауле,
Не разрыдаться, слёзы удержать.
Сводило скулы у правофланговых,
И на сердце давила тишина,
И на висках у маршалов суровых
Засеребрилась гуще седина.
Но в те же дни прощанья и печали
Над гробом полководца и вождя
Солдаты молодые возмужали,
Как через битвы грозные пройдя.
И на брусчатке гулкой, за лафетом,
В стальных руках народа своего,
Они прошли с Центральным Комитетом,
С Президиумом Сталинским его.
Ещё стволы прощального салюта
Раскалены и отзвук не замолк, —
У стен Кремля ряды сомкнулись круто.
Товарищ Сталин!*

Мы исполним долг!

Я, учившийся в те траурные дни в Московском государственном университете, по своей воле участвовал в те мартовские дни в прощании с вождём. Я жил, снимая койко-место на Рождественском бульваре, рядом с Трубной площадью, куда, выбежав из подъезда, был унесён толпой на Трубную, где не погиб в людской давке лишь потому, что был мускулист и натренирован, как гимнаст и легкоатлет.

Впоследствии, вспоминая эту ночь на “Трубе”, это облако испарений, поднимающееся к небу, этот вязкий и надрывный путь по Неглинке к Колонному залу, я написал стихи, которые мне не стыдно печатать и сегодня. Я многого тогда не понимал, но многое чувствовал.

МАРТ 1953-ГО...

*На Красной площади стоит
Почётный караул.
Над Трубной площадью висит
испарина и гул.*

*Разлив тяжёлых мутных вод —
народная река...
Как рыбы нерестовый ход,
как средние века.*

Военные грузовики.

Солдаты...

Крики...

Ночь...

Кто под ногами?

— Помоги!

Да нет...

Уж не помочь...

*Ах, ты в Историю попал —
тебя волна несёт?*

*Ты устоял, ты не упал —
тебе ещё везёт!*

*Тебя не просто раскроить,
ты — мускулы и злость.
Толпе не просто раздавить
твою грудную кость.*

*Ворота хрустнули... Скорей —
под крышу! На карниз!..*

*Всё, как во времена царей,
во времена гробниц...*

К своей чести добавлю, что в этом стихотворении нет ни глумления над вождём, ни бездумного пафоса, а есть ощущение того, что уходит эпоха, которую можно соотнести с самыми великими страницами мировой истории.

Но почему межировский шедевр остался ненапечатанным и оказался в архиве? Скорее всего, потому, что ни главный редактор тогдашней “Литгазеты” Юрийков, ни партия с правительством, ни Европа с Америкой не знали, каким политическим воздухом будет дышать страна завтра и кто после похорон “владыки полумира” взойдёт на трибуну Мавзолея. А может быть, и сам Межиров пришёл в себя и отказался от публикации реквиема.

В любом случае, я очень жалею, что он, улизнув в Америку, так и не дождался триумфальной публикации одного из лучших своих гражданских стихотворений. И всё-таки недоумеваешь: написать такие страстные стихи в тридцать лет, когда при нём прошла кампания борьбы с космополитизмом, когда был расстрелян Еврейский антифашистский комитет, когда началось “дело врачей”, — это надо было быть таким актёром, таким лицедеем! Впрочем, Александру Петровичу было у кого поучиться: его современник, классик соцреализма Василий Гроссман в те же годы в романе “За правое дело” прославил Сталина, а чуть раньше, в документальной книге “Треблинский ад” изложил исторически достоверную душераздирающую сцену, где еврейские юноши, которых гитлеровские палачи заталкивают в газовые камеры, хором поют песню “Широка страна моя родная” и кричат в лицо своим убийцам: “Сталин отомстит!”

За свой вклад в “сталиниану” Гроссман, естественно, получил Сталинскую премию, как и двадцатисемилетний студент Литературного института, сын расстрелянного врага народа Юрий Трифонов за роман “Студенты”, в котором молодой писатель в соответствии с идеологической погодой, стоявшей на дворе в последние годы жизни Сталина, внёс свой вклад в сталинскую борьбу с безродными космополитами.

Не меньший, а может быть, и больший вклад в ту же борьбу с космополитами, увенчавшийся Сталинской премией, внёс и Даниил Гранин романом “Иду на грозу”, и Анатолий Рыбаков — автор ныне забытых шедевров соцреализма “Екатерина Воронина”, “Водители” и “Кортик”... За что он получил Сталинскую премию, не помню. Сталин читал почти все книги, выдвинутые на премии его имени, и редко ошибался в своих оценках. Но то, что произошло со всеми вышеуказанными авторами, когда пришёл новый хозяин, повернувший мошенический XX съезд КПСС, Иосиф Виссарионович при всём своём уме, при всём своём политическом опыте предусмотреть не мог. Объявив себя “шестидесятниками” и став ими, все вышеупомянутые лауреаты

накарябали своими непросохшими перьями новые романы и повести, в которых дружно отреклись от Сталина, прокляли его имя и присягнули сталинскому шуру Никите Хрущёву. А на всякий случай одновременно (мало ли что с Хрущёвым произойдёт!) для подстраховки объявили себя верными ленинцами.

Но Александр Межиров, искренне рыдавший над Сталиным в марте 1953-го, так же искренне отказался от Сталина чуть ли не на другой день после окончания XX съезда КПСС в стихотворении

ТБИЛИСИ. 1956. МАРТ

*Не хватит ни любви, ни силы,
Чтоб дотащиться до конца.
Стреляет Сталин из могилы
В единокровные сердца.*

*.....
Он, ни о чём не сожалея,
Под крики: “Сталину — Вашá!” —
Бьёт наповал из Мавзолея,
Не содрогаясь, не дыша...*

А ученик Межирова ухватился за строчку учителя “стреляет Сталин из могилы” и покощунствовал вволю в стихотворении “Наследники Сталина”:

*Упрямо сжимая набальзамированные кулаки,
В нём (в гробу. — Ст. К.) к щели глазами приник
Человек, притворившийся мёртвым...*

*.....
Мне чудится, будто поставлен в гробу телефон.
Энверу Ходжа*

*сообщает свои указания Сталин,
Куда ещё тянется провод из гроба того...*

“Образ телефонирующего упыря вытесан мощно”, — комментирует эти “страшилики” автор ЖЗЛовской книги о Евтушенко Илья Фаликов, не зная, что до полного идиотизма евтушенковскую могильную сцену дорисовал один из самых бесталанных “шестидесятников” Петя Вегин, как и многие антисталинисты, уехавший в Америку.

...Из книги П. Вегина “Опрокинутый Олимп”. Сцена в Мавзолее. Разговор Сталина с Адиком (Гитлером):

“Лежишь, Ильич? Лежи, я хорошо тебя уложил. — Потом нажал на потайную плитку основания саркофага — плитка отодвинулась, открывая освещённый слабой лампочкой чёрный телефонный аппарат. Он снял трубку.

— Алло! Адик, это я, Есик. Возьми трубку, Адик!

— Есик, брат мой, дорогой геноссе...” и т. д.

У Евтушенко Сталин разговаривает по телефону с Энвером Ходжа, у Вегина — с Гитлером... И это всё, что могли сказать пошляки-“шестидесятники” о владыке полумира! А мы ещё удивляемся тому, что нынешние демократические вожди и кланы Европы приравнивают Сталина к Гитлеру, а гитлеровский Рейх — к Советскому Союзу.

Прозаики-сталинисты, упомянутые мной, каждый в меру своих творческих сил попытались в годы перестройки отмыться от родимых пятен сталинизма. Василий Гроссман написал ныне забытую повесть “Всё течёт”, Анатолий Рыбаков на короткое время прославился романом “Дети Арбата”, Юрий Трифонов, забыв о своих “Студентах”, оправдался перед либеральным обществом романом “Дом на набережной”.

* * *

Поскольку Владимир Высоцкий был сыном советского офицера и переводчицы с немецкого языка, при жизни Сталина работавшей в структурах НКВД, а одновременно являлся таким же стопроцентным “шестидесятником”, как

Евтушенко, Вознесенский, Рождественский и прочие “дети Оттепели”, он не мог не вставить своё словечко в литературную сталиниану. Восьмого марта 1953 года, в траурный день похорон восьмиклассник Высоцкий (в таком возрасте никто из “шестидесятников” не славил Сталина) написал стихотворение “Моя клятва”:

*Разливается траурный марш,
Стонут скрипки и стонут сердца.
Я у гроба клянусь не забыть
Дорогого вождя и отца.*

*В эти скорбно-тяжёлые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.*

*Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землёй,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.*

Стихи наивные, но искренние, на уровне межировских. Тем удивительнее, что с не меньшей страстью Высоцкий ещё раз отозвался о Сталине в середине 1970-х годов, о чём пишет автор книги “Другой Высоцкий” искусствовед Фёдор Раззаков:

“Даниэль Ольбрыхский (известный польский киноактёр) с несколькими своими соотечественниками приедут в СССР, и Высоцкий повезёт их за город, на пикник. Возвращаясь обратно, они будут проезжать мимо бывший дачи Сталина в Кунцево. Высоцкий тогда бросит фразу: “Здесь сдох Сталин”. Ольбрыхский переведёт эти слова своим друзьям, смягчив одно слово: вместо “сдох” скажет “умер”. На что Высоцкий взорвётся: “Я же сказал, что сдох! Так и переводи!”

“Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся”, – сказал когда-то Фёдор Тютчев. Но если верить всем, кто вспоминал, как умирал Высоцкий (“Умер он ночью во сне, связанный верёвками. Друзья связали его, чтобы не буйствовал и отдохнул перед спектаклем...” – А. Вознесенский, книга “Ров”, М.: Советский писатель. С. 187), то хочешь не хочешь, вспоминаются его слова: “Сталин сдох!” Слова беспощадные и бесчеловечные, и, может быть, повлиявшие на драматические обстоятельства, при которых умирал сам Высоцкий. Вспоминаются русские народные пословицы: “Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца”, “Слово не воробей, вылетит – не поймаешь” и т. п. А может быть, это была “к предательству таинственная страсть” – своеобразная болезнь “шестидесятнической” богемы.

* * *

Известно, что Сталин выезжал со своей Кунцевской дачи в Кремль через Арбат, и эта процессия была замечена многими поэтами-“шестидесятниками”, в том числе Слуцким:

*Однажды я шёл Арбатом.
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата,
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Серело. Брезжило утро.
Он глянул жестоко и мудро
Своим всевидящим оком,
Вспроницающим взглядом.
Мы все ходили под богом,
С богом почти что рядом.*

Этому земному богу Слуцкого свойственно и “всевидящее око”, и “всепроницающий взгляд” – всё, вроде бы отвергнутое, ветхозаветное, но вдруг всплывшее из доисторической вавилонской бездны или из “Книги царств”. Для выходца из-за черт оседлости, из белорусско-украинского местечка Сталин – это бог, которого поэт приравнивает, увы, не к Иисусу Христу, а к более привычному своему местечковому идолу:

*Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого,
По имени Иего́ва...*

Чуткий к переменам воздуха истории Слуцкий одним из первых заметил, что “обслуга” и “охрана”, преданная “человекобогу”, после хрущёвского разоблачения “культа личности” тут же бросилась воспевать нового хозяина – мифического, лежащего в Мавзолее, но без культа которого они не могли даже представить себе своё будущее – идеологическое, материальное, властное:

*Художники рисуют Ленина,
как раньше рисовали Сталина.
А Сталина теперь не велено:
на Сталина все беды взвалены.*

*Их столько, бед, такое множество!
Такого качества, количества!
Он был не злобное ничтожество,
скорей — жестокое величество.*

В числе этих “художников” были многие деятели разных жанров культуры... *Имя им легион.* Слава Богу, что среди них нашёлся один честный “художник”, рискнувший сказать правду о Сталине, от которой он же, к сожалению, в перестроечные восьмидесятые стал отказываться.

А причиной этого “отказничества” было то, что многие почитатели Слуцкого и его современники возмутились, когда прочитали несколько его стихотворений о Сталине. Бенедикт Сарнов в своих воспоминаниях о поэте буквально выходил из себя: “*Меня особенно покорило слово “величество”.* А о стихотворении Слуцкого, посвящённом подвигу Зои Космодемьянской, крикнувшей в лицо немцам с эшафота: “*Сталин придёт!*” – Бенедикт Сарнов с возмущением писал: “*Ужасно, что чистая, самоотверженная девочка умерла с именем палача и убийцы на устах*”. Однако Слуцкий был непоколебим, и стихотворение “Зоя” заканчивалось невыносимой для сарновых строфой:

*О Сталине я думал всяко-разное,
Ещё не скоро подобью итог.
Но это слово, от страданья красное,
За ним. Я утаить его не мог.*

И всё же вода, как говорится, камень точит: в годы начавшейся перестройки на закате жизни целая армия сарновых (в книге “Борис Слуцкий: воспоминания современников” из пятидесяти авторов более сорока человек – по происхождению и убеждениям – “сарновы”) добились того, что Борис Абрамович (“Абрамыч”, как называли его мы с Кожинным и Передревым) дрогнул и написал стихотворение, удовлетворившее его местечковых соплеменников:

*Сталин взял бокал вина
(может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост, и мысль его должна
сохраниться на века:
“За терпенье!”*

*Это был не просто тост
(здравицам уже пришёл конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
за терпенье.*

*Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть.*

*— Вытерпели вы меня, — сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил.
Только прокричал: “Ура!”
Вот каковская была пора.*

*Страстотерпцы выпили за страсть,
выпили и закусили всласть.*

Стихотворение пересказывает знаменитую речь Сталина на приёме 24 мая 1945 года в честь нашей победы. Но принимая во внимание его пошловатую развязность, будем считать, что Борис Абрамович “прогнул” дважды: один раз – с речью о Пастернаке, второй раз – со стихотворением о сталинском тосте. Скорее всего, знаменитый тост Сталина был неприемлем для Слуцкого потому, что в нём шла речь об исключительной роли русского народа в победе над мировым злом, но в нём не было ни слова о советском интернационализме, ни, тем более, о роли еврейства. И это не было случайностью, ибо Сталин и в других своих выступлениях не раз подчёркивал решающий вклад русского народа в историю Великой Отечественной войны:

“Самые большие уступки русскому национальному сознанию, — пишет историк А. И. Вдовин в книге “Российская нация”, — были сделаны в критический для страны 1942–1943 годы (сражения под Сталинградом и Курском), ставшие переломными не только в войне, но и в идеологической работе, в установках партийной пропаганды.

Именно тогда получило широкую известность беспрецедентное сталинское суждение о национальном вопросе и смысле войны. “Необходимо, — говорил он, — опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу не сказать, что мы всегда его правильно решаем... Это проклятый национальный вопрос...”

Некоторые товарищи ещё недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация, а это надо понимать!” Далее в адрес некоторых недопонимающих товарищей было сказано: “Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведётся за спасение нашей Родины во главе с великим русским народом” (Вдовин А. И. “Российская нация”. С. 130).

* * *

Однако Борис Слуцкий, всё-таки называвший Сталина “жестоким величием”, был куда более справедливым, нежели другой знаменитый поэт-“шестидесятник” — “дворянин с арбатского двора”, у которого, по его словам, “арбатство, растворённое в крови, // неистребимо, как сама природа”. Он не мог удержаться от соблазна “опустить” образ “мудрого” “человекобога” с мифологической высоты на кухонно-коммунальный уровень:

*В Дорогомилово из тьмы Кремля,
Усы прокуренные шевеля,
Мой соплеменник пролетает мимо.*

*Он маленький, немый и рябой,
И выглядит растерянным и пьющим,*

*Но суть его — пространство и разбой
В кровавой драке прошлого с грядущим.*

Однако этого Окуджаве показалось мало, и, находясь в маниакальном состоянии, он впал в другую крайность: ему стал сниться соплеменник, но уже не “растерянный”, а властный и даже всесильный в своём зле:

*Стоит задремать немного,
Сразу вижу Самого.
Рядом, по ранжиру строго,
Собутыльнички его.*

*Сталин трубочку раскурит —
Станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит —
Трём народам не бывать.*

Оставалось Булату Шалвовичу как бывшему фронтовику вспомнить о том, что представители “трёх народов” выходили с дарами навстречу гитлеровским войскам, о том, как молодые сыновья трёх народов, спасаясь от призыва в армию, уходили в горы, в ущелья, в “зелёнку” в те дни, когда немцы рвались на восточный берег сталинградской Волги, когда немецкие танки вот-вот должны были выйти к грозненской и бакинской нефти, когда судьба священной войны висела на волоске.

Но обо всём этом сын и племянник двух крупнейших грузинских профессиональных революционеров (его отец был секретарём горкома ВКП(б) Нижнего Тагила, а брат отца Мишико — руководителем партийной организации советской Грузии) не думал, лелея в своём воображении облик соплеменника — “маленького, невымытого и рябого”.

Но вот как вспоминал о Сталине его политический враг — польский генерал Андерс, в отличие от Окуджавы, встречавшийся со Сталиным: “Сталин — невысокого роста, коренастый, крепкий, широкоплечий, производит впечатление сильного мужчины. Бросаются в глаза его большая голова, густые чёрные брови, чёрные с проседью усы. Коротко стриженные волосы. Но больше всего в память врезаются глаза, чёрные без блеска, ледяные. Даже когда он смеётся, глаза его не смеются. Движения очень сдержанные, как бы кошачьи. Говорит только по-русски с довольно сильным кавказским акцентом, спокойно, обдуманно. Видно, что каждое его слово рассчитано. Властен, и это чувствуют все вокруг. Он всегда был очень вежлив... В присутствии Сталина все, не исключая и Молотова, совершенно съёживались. Чувствовалось, что они ловят каждый его жест, каждое слово и готовы выполнить любой приказ во что бы то ни стало”.

Вот вам и “маленький, невымытый и рябой”, “растерянный и пьющий”. Впрочем, эпитетом “рябой”, позаимствовав его у Окуджавы, воспользовался Евтушенко в стихе о похоронах Сахарова: “За ним следил Малюта в снежной пыли, // и Берия, и тот палач рябой”. Фантазии придумать что-либо своё у Е. Е. не хватило.

* * *

Один из мелких идеологов “шестидесятничества” и крупный чиновник ельцинско-горбачёвского режима Евгений Сидоров в своих “Записках из-под полы” попытался было защитить имя Булата Окуджавы:

“Политическая полемика, между тем, то и дело принимает в поэзии “Нашего современника” малоприличные формы. Словно бы продолжая старую линию журнала на развенчание Булата Окуджавы, малоизвестный стихотворец из Санкт-Петербурга Владимир Шемшученко бросает в спину давно ушедшего поэта грубый выпад: “Ты принял свободу — как пёс от хозяина кость”. В этом стихе, кроме плебейской уязвлённости и комплекса неполноценности, ничего другого, к сожалению, не содержится”.

Увы, Е. Сидоров ошибается: за своё глумливое и садистское оправдание крови, пролившейся в октябре 1993 года (“Для меня это был финал детектива...)

Я наслаждался этим <...> никакой жалости у меня к ним не было” – Б. Окуджава. “Подмосковные известия”, 11.12.1993), Окуджава получил от “хозяина” не просто “кость”, а целый “вкусный” набор посмертных памятных наград. Специальный указ был подписан палачом русского простонародья во имя памяти своего лакея с гитарой. Вот текст этого уникального и в истории императорской России, и в истории СССР, и в истории “России демократической” документа:

“УКАЗ Президента РФ от 19.06.1997 № 627 “ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ОКУДЖАВЫ Б. Ш.”

Отмечая выдающееся значение творческого наследия Окуджавы Б. Ш. и его особый вклад в отечественную культуру, постановляю:

1. Учредить ежегодную Литературную премию имени Булата Окуджавы, присуждаемую Президентом Российской Федерации.

Руководителю Администрации Президента Российской Федерации в месячный срок представить проект положения о Литературной премии имени Булата Окуджавы.

2. Правительству Российской Федерации установить стипендии имени Булата Окуджавы для студентов Российского государственного литературного института и присуждать их ежегодно.

3. Министерству культуры Российской Федерации и правительству Москвы осуществить разработку на конкурсной основе проектов памятника Окуджаве Б. Ш. и мемориальной доски на доме, где жил поэт.

4. Рекомендовать правительству Москвы:
установить памятник Окуджаве Б. Ш. в районе улицы Арбат;
присвоить имя Окуджавы Б. Ш. одной из улиц или площадей г. Москвы
и одной из школ с гуманитарным уклоном в центре г. Москвы.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН”

Не хватало только того, чтобы какой-нибудь город в России переименовать в Окуджавск...

Вдова Булата Окуджавы Ольга Арцимович выступала 27.12.2018 года в программе “Совершенно секретно” с известным “шестидесятником” Марком Розовским, выходцем, подобно Булату, из семьи профессиональных революционеров, ставших после революции семьёй профессиональных прокуроров. Марк Семёнович Розовский учился в элитарной московской 170-й школе в одном классе с Радзинским. Известный немецкий социал-демократ Платтен был мужем одной из его тёток. Чистойшей воды “шестидесятник”, единомышленник Булата!

Зная всё это, Ольга Арцимович зачитала Розовскому Указ президента Ельцина об увековечивании памяти дворянина с арбатского двора. Зачитала она этот Указ с вдохновением, горечью и причитаниями, что не до конца он исполнен нынешней властью. Марк Розовский подливал масла в этот костёр жалоб: **“Булат – столп нашего “шестидесятничества”! Столп нашего вольнолюбия!”** Но этого выходцу из семьи борцов за советскую власть показалось мало, и он тут же добавил: **“С помощью таких, как он, мы сдвинули советскую систему! Он ведь написал наш гимн: “Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!”**

Воодушевлённая Ольга тут же пожаловалась: “Нет ещё в Москве улицы имени Окуджавы!” Я крикнул им в телевизор, что в Нижнем Тагиле открыт музей памяти его отца, что там же стоит его бюст, что в Калуге висит мемориальная доска на здании областной комсомольской газеты, где работал Окуджава, что он почётный гражданин моего родного города, что литератор Дмитрий Быков издал в серии ЖЗЛ книгу об Окуджаве, но мало того, он пишет для той же серии книгу о не менее крупном антисоветчике, нежели Булат, – о генерале Андрее Власове... Но Ольга и Марк не слышали меня, возмущаясь тем, что в Литературном институте нет для студентов стипендии имени Окуджавы. А я, вспомнив, что за ту же самую подпись Виктора Астафьева под “письмом 42-х”, благословившим Ельцина на расстрел русского простонародья, Астафьев получил от президента целый мешок денег для издания тринадцатитомного собрания сочинений, махнул рукой: “Пускай Марк и Ольга выпросят у властей и стипендию, и улицу... Не всё ли равно? Если уж книга о Власове выйдет в “Молодой гвардии”, то, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут!..”

Свою лепту в яростную “антисталиниану” успел внести и Андрей Вознесенский.

После выхода в свет его поэмы “Мастера” Вознесенского печатно приветствовал Виктор Боков. Тоже “шестидесятник”, поскольку его как поэта-песенника и как яркого русского национального поэта читатели и поэты открыли для себя в одно время с Вознесенским. Боков “уравнялся” возрастом с Вознесенским из-за пребывания с начала сороковых до середины пятидесятых в кемеровских лагерях. В благодарность Бокову за печатные комплименты по поводу “Мастеров” Вознесенский включил Бокова в свой почётный список “Прорабов духа”, посвятил Виктору Фёдоровичу в 1959 году одно из своих стихотворений, пустил в литературный обиход словосочетание “Богу богово, а Бокову боково”. Но на этом их пути разошлись, поскольку молодого “шестидесятника” и “шестидесятника”, хлебнувшего тюремной баланды, разделило имя “Сталин”. Вознесенский лепил из Сталина государственного монстра-злодея: “И торжественно над страной, // словно птица страшной красы, // плыли с красной бахромою государственные усы”, — а Виктор Боков после того, как в кемеровских лагерях написал несколько стихотворений, прокливающих “Сталина-Джугашвили”, встретившись со мною во время перестроечных девяностых в Переделкино, сказал: “Станислав! Обязательно напечатайте мои новые стихи о Сталине. Вот они”, — и протянул рукопись. Первое же стихотворение называлось “Фамилия”.

*Фамилия вождя, пришедшая с Кавказа,
И серая вождёвая шинель
Была сильна, отважна, многоглаза,
И не было фамилии сильней.*

*Она стояла на квадрате мрамора
Заглавной буквой в сталинской судьбе.
Над ней летали грамота охранная
И органы с названием “КГБ”.*

*Она и до сих пор ещё не стёрта,
Живая жизнь зовёт её сестрой.
Её непобедимая аорта
По трубам века разгоняет кровь.*

*Я жил при нём, при нём махал рукою,
Я понимал, что мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, за то, что беспокою
Бессмертную фамилию твою!*

Я прочитал и, озадаченный, спросил у Виктора Фёдоровича: “А строка — “живая жизнь зовёт её сестрой” — это не переключка ли с Пастернаком?” Боков кивнул головой. Но я, зная о дружеских отношениях Бокова с Вознесенским — “Бокову боково!” — добавил вроде того, что Андрей Андреевич будет удручён этими стихами. Он ведь убеждённый антисталинист! Но Боков махнул рукой: “В мои годы, Станислав, успеть бы сказать правду...” — В этот вечер он подарил мне свою последнюю книгу “Лик любви” с дарственной надписью: “Стасику Куняеву с живым чувством любви и признания его таланта. Дружески Виктор Боков. 3 декабря 2005 года”.

А ещё одно новое стихотворение Бокова о Сталине, которое он во время той же встречи в Переделкино предложил мне для публикации в журнале, словно неожиданное откровение, удивило его самого:

*Тянется цепь его мрачных годов
По-над зубцами кремлёвских башен.
Думал свалить его подлый Адольф —
Сам свалился! А Сталин бесстрашен.*

*Что случилось со мной — не пойму:
От ненависти пришёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности.*

Кроме Виктора Бокова, вкус лагерной похлёбки в 1930-е, 1940-е и 1950-е годы узнали ещё несколько выдающихся поэтов прошлого века, и так же, как Боков, каждый из них впоследствии отозвался на это стихами о Сталине. Вспомним их имена: Николай Заболоцкий, Даниил Андреев, Ярослав Смеляков. Без их стихотворных свидетельств трудно объективно оценить имя и дела Сталина. Понимая это, Ярослав Смеляков даже обмолвился: *“Ежели поэты врут — // значит, жить не можно”*.

Николай Заболоцкий целые 10 лет провёл в лагерях Приморья и Казахстана, а выйдя на свободу, написал в письме жене:

“Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чём не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми её радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю”. И недаром в стихотворении “Творцы дорог” о лагерной жизни и работе у него была строфа, написанная сразу же после выхода на волю: “Кто днём и ночью слышал за собой // Речь Сталина и мощное дыханье // огромных толп народных, — тот не мог // забыть о вас, строители дорог”... Удивительно в этом отрывке то, что и строители в лагерных бушлатах и Сталин, произносящий речь, делают одно общее дело. Жена Заболоцкого Екатерина Васильевна после его смерти вспоминала: “Он говорил, что ему надо два года жизни, чтобы написать трилогию поэм “Смерть Сократа”, “Поклонение волхвов”, “Сталин”. Меня удивила тема третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Сталин — сложная фигура на стыке двух эпох. Разделаться со старой этикой, моралью, культурой было ему нелегко, так как “он сам из неё вырос. Он учился в духовной семинарии, и это в нём осталось”. Этот разговор происходил после 1956 года, а значит, после XX съезда КПСС и во время “оттепели”, но вскоре Заболоцкий умер (в 1958 году) и не успел создать свою трилогию о трёх великих эпохах в истории человечества — античной, христианской и советско-сталинской.

* * *

В 1947 году за религиозно-философское вольнодумство в разговорах с творческой интеллигенцией был арестован и получил 25 лет тюремного заключения поэт Даниил Андреев, сын известного русского писателя Леонида Андреева. Он отсидел 10 лет во Владимирской тюрьме, был освобождён в 1957-м и умер через два года в возрасте пятидесяти двух лет. В тюрьме были написаны книги “Роза мира”, “Русские боги” и “Железная мистерия”.

Вдова Даниила Андреева в предисловии к его книге “Русские боги”, изданной в 1990 году, вспоминает: *“На одном из допросов его спросили об отношении к Сталину. “Ты знаешь, как я плохо говорю”. Это была правда, он был из тех, кто пишет, но не любит и не умеет говорить — из-за застенчивости.*

“Так вот, я не знаю, что со мной произошло, но это было настоящее вдохновение. Я говорил прекрасно, умно, логично и совершенно убийственно — как для “отца народов”, так и для себя самого. Вдруг я почувствовал, что происходит что-то необычное. Следователь сидел неподвижно, стиснув зубы, а стенографистка не записывала, — конечно, по его знаку”.

Редкой особенностью взгляда Андреева на русскую историю было то, что он, в отличие от всех “оттепельных” “шестидесятников”, считавших революцию и строительство социализма совершенно новым явлением в судьбе России, был убеждён, что, несмотря на внешнюю ненависть революционеров к старому миру, несмотря на кровавый разрыв с ним, — её глубокое, скрытое от глаз неразрывное с ним единство всё равно сохраняется.

Меняются династии, возникают новые сословия, льётся кровь, но мистическое единство русской истории продолжается и остаётся живым.

Находясь в стенах Владимирской тюрьмы, поэт выразил это единство в стихотворении, посвящённом Пушкину, который для Андреева был одним из вечных символов связи времён:

*Здесь в бронзе вознесён над бурей, битвой, кровью
Он молча слушает хвалебный гимн веков,
В чьём рокоте слились с имперским славословьем
Молитвы мистиков и марш большевиков.*

(1950)

Стихи, видимо, написаны в связи с торжествами великого пушкинского юбилея 1949 года – столетия со дня рождения поэта.

Этот образ становится для Даниила Андреева своеобразной истиной, к ней он так или иначе постоянно возвращается во все последующие годы жизни.

*Этот свищущий ветер метельный,
Этот брызжащий хмель веков
В нашей горечи беспредельной
И в безумствах большевиков...*

Строфа из стихотворения “Размах” (1950), где путь России через жертвы “и злодеяния” всё равно ведёт (прямо по-клевовски!) к “безбрежным морям Братства, // к миру братскому всех стран...” С особой страстью поэт нащупывал эти связи в начале Великой Отечественной войны, ибо только в них видел победный и кровавый путь Родины и её спасение от очередного нашествия “двунадесяти языков” Европы.

Но что может их остановить? Только союз двух сил – народной русской стихии и воли строителя нового государства. И Даниил Андреев пишет жуткое и загадочное стихотворение об эвакуации мумии Ленина из Мавзолея осенью 1941 года. Тело вывезено “из Зиккурата” ... “в опечатанном вагоне” на восток, на берега Волги, а дух его, “роком царства увлекаем”, как тень, поселяется в сердце Кремля, в стенах, где склоняется над картами небывалых сражений продолжатель ленинского дела, укрепляемый этим духом, который

*Реет, веет по дворцу
И, просачиваясь снова
Сквозь громады бастионов,
Проникает в плоть живого —
К сердцу, к разуму, к лицу.*

Андреев проникает в сверхъестественные сферы жизни, когда показывает, откуда и как черпают энергию тираны, диктаторы, “вожди всех времён и народов”, “чудотворные строители”, как они передают свою силу друг другу, что и случилось во время эвакуации тела Ленина на Восток, организованной по воле Сталина:

*И не вникнув мыслью грузной
В совершающийся ужас,
С тупо-сладкой мутной болью
Только чувствует второй,
Как удвоенная воля
В нём ярится, пучась, тужась,
И растёт до туч над грустной
Тихо плачущей страной.*

(1942–1952)

В сущности, Даниил Андреев проникает в тайну того события, когда Сталин во время знаменитого парада 7 ноября 1941 года произнёс ошеломившие мир слова о связи ленинского дела с деяниями Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова и поставил их всех – вождей и полководцев тысячелетней России – под одно Знамя, объединив, как по волшебству, враждующие времена. Перед такого рода картиной (если принять её) становятся ничтожными и плоскими рассказы нынешних сванидзе о том, что минувшие 70 лет России – это “чёрная дыра”, “тупиковый путь”, бессмысленно потраченная эпоха. В этой мистической речи вождь повторил и предвосхитил

поэтическое словотворчество Андреева: поэт в те дни, когда Сталин стоял на заснеженном Мавзолее, писал стихи-молитву, обращаясь к Творцу:

*Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчащему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук, как причастье,
А тусклое зарево бед — как лучи!*

*Когда же засвищет свинцовая вьюга
И шквалом кипящим ворвётся ко мне —
Священную волю сурового друга
Учи понимать меня в судном огне.*

(1941)

Я не буду расшифровывать, кого поэт называет “суровым другом”... Впереди его ждёт “чаша мук”, но он смутно догадывается, что такого рода “чудотворные строители” неподсудны обычному человеческому суду:

*Как покажу средь адской темени
Взлёт исполинских коромысел
В руке, не знавшей наших чисел,
Ни нашего добра и зла?*

Это сказано обо всех сделанных из одного сверхпрочного сплава российской истории — об Иоанне Грозном, Петре, Иосифе, при котором страна уже была под стать диктатору — не “грустная и тихо плачущая”, но яростная, гневная, подымающаяся на дыбы: “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..”

Какой высшей волей можно было объединить анархическую многоликую, многоплеменную русскую вольницу для борьбы с ордунгом тевтонским, с его колоннами, сокрушившими дряхлую Европу?

*С холмов Москвы, с полей Саратова,
Где волны зыблются ржаные,
С таёжных недр, где вековые
Рождают кедры хвойный гул,
Для горестного дела ратного
Закон спаял нас воедино
И сквозь сугробы, судры, льдины
Живую цепью протянул.*

Даниил Андреев рисует поистине апокалиптическую картину всенародного сверхнапряжения, исторгнутого из народного чрева не просто “законом”, но — и он понимал это — волей вождя, вдыхавшей энергию в ледовую Дорогу жизни — единственную ниточку, соединившую город Петра и Ленина с Россией:

*Дыханье фронта здесь воочию
Ловили мы в чертах природы:
Мы — инженеры, счетоводы,
Юристы, урки, лесники,
Колхозники, врачи, рабочие —
Мы, злые псы народной псарни,
Курносые мальчишки, парни,
С двужилным нравом старики.*

Только такой “сверхнарод”, как назвал его Даниил Андреев, мог победить жестокую орду “сверхчеловеков”. Поэт, в те времена служивший в похоронной команде, видел вымирающий, но не сдающийся Ленинград, несколько раз проходил туда и обратно через Ладогу по ледовой Дороге жизни и, конечно же, понимал, что мы устояли не просто благодаря закону или морозу:

*Ночные ветры! Выси чёрные
Над снежным гробом Ленинграда!
Вы — испытанье; в вас — награда;
И зорче ордена храню
Ту ночь, когда шаги упорные
Я слил во тьме Ледовой трассы
С угрюмым шагом русской расы,
До глаз закованной в броню.*

Образ императора и образ вождя, которые, каждый по-своему, заковывали “русскую расу” “в броню”, у поэта сливаются, совмещаются, расплываются и снова накладываются друг на друга; и тот, и другой поднимают Россию “на дыбы”, не позволяя народу расслабляться, жить по своей воле, разбойничать, проматывать наследие великих строителей России. Поэт всю свою жизнь слышал “глагол и шаг народодержца // сквозь этот хаос, гул и вой”. Не просто “самодержца” — это грозное слово для Андреева не до конца выражает суть русской истории, и поэт усиливает его значение — “народодержца”, — чтобы потом найти ещё один синоним: “браздодержец”.

Даниил Андреев, умерший почти полвека тому назад, сегодня бросает нам, ослабевшим, опустившимся, готовым признать все нынешние обвинения в “имперском мышлении”, в “великодержавности”, в “тоталитаризме”, бросает в наши растерянные, бледные лица яростное проклятье за то, что мы свернули с вечного пути России и предали её историческое призвание, продиктованное Высшей Волей. Поэт в своей жертвенной страсти бесстрашно пытается разглядеть, чью волю — адскую или небесную — выполняют русские вожди-цари, вожди-императоры, вожди-генсеки, для которых он находит особое слово — “уицраоры”, — и молит Создателя о том, чтобы это слово означало, в сущности, то, что когда-то называли “Бич Божий”:

*Пусть демон великодержавия
Чудовищен, безмерен, грозен;
Пусть миллионы русских оземь
Швырнуть ему не жаль. Но Ты —
Ты от разгрома и бесславья
Ужель не дашь благословенья
На горестное принесенье
Тех жертв — для русской правоты?*

*Пусть луч руки благословляющей
Над уицраором России
Давно потух; пусть оросили
Стремнины крови трон ему;
Но неужели ж укрепляющий
Огонь твоей Верховной воли
В час битв за Русь не вспыхнет боле
Над ним — в пороховом дыму?*

Написано не где-нибудь, а во Владимирской тюрьме при жизни Сталина. А в эти же военные годы Даниилу Андрееву из далёкой оккупированной Франции подаёт голос злейший враг советской власти Иван Алексеевич Бунин:

“Думал ли я, что сейчас, когда Сталин находится на пути в Тегеран, я буду с замиранием сердца переживать, чтобы с ним ничего не случилось”. И это написал автор книги “Окаянные дни”, в которой, казалось бы, навсегда проклял и вождей революции, и народ, пошедший за ними в годы гражданской войны. И что бы ни говорил поэт во время допроса в 1956 году об “отце народов” (“некто убийственное”, как вспоминает его вдова), высшее знание и высшая истина об “уицраорах России”, и в их числе о Сталине, высказана не подследственным Даниилом Андреевым, но автором таинственных книг “Роза мира”, “Русские боги”, “Изнанка мира”:

“Строят и строят. Строят твердыню трансфизической державы на изнанке Святой Руси. Строят и строят. Не странно ли? Даже императрицы века напудренных париков и угодий с десятками тысяч крепостных

крестьян строили её и строят. И если время от времени новый пришелец появляется в их ряду, его уже не поражает, что карма вовлекла его в труд рука об руку с владыками и блюстителями государственной громады прошлого, которую при жизни он разрушал и на её месте строил другую. Чистилища сделали его разум ясней, и смысл великодержавной преемственности стал ему понятен” (“Изнанка мира”). Эти слова применимы к любому из властителей тысячелетней России. И к Сталину тоже.

Лучше он, чем смерть народа.

Лучше он;

Но темна его природа,

Лют закон.

.....

Жестокá его природа,

Лют закон,

Но не он — так смерть народа.

Лучше — он!

(Из книги “Русские боги”).

* * *

В одно и то же время с Даниилом Андреевым жил, работал, писал стихи и отбывал неволю в лагерях и тюрьмах ещё один выдающийся поэт сталинской эпохи, которую он прославил в бессмертных стихах “Кладбище паровозов”, “Я строил окопы и доты”, “Если я заболел, то к врачам обращаться не стану”. . . Он, до последнего вздоха преданный эпохе социализма, истово верующий в её историческое величие, никогда ни на йоту не сомневавшийся в её правоте, умер 27 ноября 1972 года, в день моего рождения.

Нет, не прост был этот белорус, впервые арестованный “за моральное разложение” в конце 1934 года. Тогда при обыске в его квартире была найдена книга Гитлера “Моя борьба”. А потом — финский плен, а после вызволения из плена — подневольная работа на тульских шахтах, в 1951 году — ещё один арест, и ещё три года лагерной жизни в Инте. Но ему повезло больше, чем его друзьям — Борису Корнилову и Павлу Васильеву: где они похоронены — не знает никто. Вроде бы проклинать должен был поэт это время, но вспоминаю, как его жена, Татьяна Стрешнева, на смеляковской даче в Переделкино незадолго до смерти поэта с ужасом и восторгом рассказывала мне:

“Я иногда слышу, как он во сне бродит, разговаривает. Так вы не поверите: однажды прислушалась и поняла, что он с кем-то всё спорит, всё советскую власть отстаивает!”

Но отстаивал её Ярослав Смеляков, как и Даниил Андреев, на “изнанке” русской истории, вдохновенно соединяя не дни, не годы, а века:

Над клубящейся пылью вселенной,

Над путями величья и зла,

Как десницу, Василий Блаженный

Тихо поднял свои купола.

Современная юность России

Тут встречается с Русью отцов,

Мерно движутся танки большие

По невысохшей крови стрельцов.

В этом восьмистишии Смелякова живут разом три эпохи — эпоха Ивана Грозного с Василием Блаженным, построенным по велению самодержца Всея Руси, эпоха Петра Первого, утопившего в “невысохшей” до сих пор “крови стрельцов” бунт старого мира против нарождающейся империи, и, наконец, эпоха Иосифа Сталина с “мерно движущимися танками мимо Мавзолея к тому же Василию Блаженному и дальше — на последний рубеж обороны Москвы, навстречу танкам Гудериана. . . Ну, разве можно сравнить этот сплав трёх эпох с жалкой попыткой “шестидесятника” Евгения Евтушенко ополчить величайшие символы русской государственности, которые утверждали Андреев со

Смеляковым, своим высокопарным суесловием: “Я не люблю в её надменной ложности // фигуру Долгорукого на площади”? А ведь подобные выпады против “тоталитаризма русской истории” он, называвший себя и “пушкинианцем” и “смеляковцем”, повторял не раз.

Возможно, именно такого рода “суесловия” имел в виду Смеляков, когда писал:

*История не терпит суесловья.
Трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью
И не любить без памяти нельзя.*

Нельзя не восхититься ещё одной особенностью поэтического мира Ярослава Смелякова. В то время, когда и Твардовский, и Ахматова, и Заболоцкий, и Мандельштам, и Пастернак, кто из “страха иудейска”, кто искренне, вписывали свои стихи в “сталиниану”, Ярослав Смеляков, восхищавшийся героикой сталинской эпохи и казавшийся в 1960-е годы каким-то не желающим пересматривать свои взгляды “мамонтом пятилеток”, посвятил вождю лишь одно стихотворение, да и то после смерти Сталина, да и то не назвав его даже по имени. А стихотворенье особенное, смеляковское, где вождь очеловечен особым образом:

*На главной площади страны,
невдалеке от Спасской башни,
под сенью каменной стены
лежит в могиле вождь вчерашний.*

*Над местом, где закопан он
без ритуалов и рыданий,
нет наклонившихся знамён
и нет скорбящих изваяний,*

*ни обелиска, ни креста,
ни караульного солдата —
лишь только голая плита
и две решающие даты,*

*да чья-то женская рука
с томящей нежностью и силой
два безымянные цветка
к его надгробью положила.*

(1964)

Вот так попрощался Смеляков со Сталиным.

К российской героической трагедии XX века он, как никто другой, прикасался бережно и целомудренно. Вот почему он останется в нашей памяти изумительным поэтом, подлинным русским Дон-Кихотом народного социализма, впрочем, хорошо знавшим цену, которую время потребовало от людей за осуществление их идеалов.

Строительство новой жизни по напряжению, по вовлечению в него десятков миллионов людей, по степени риска, по цене исторических ставок было деянием, которое сродни разве что великой войне. А кто, какой историк скажет о войне масштаба 1812 или 1941 года: подневольно ли в такого рода событиях приносятся в жертву миллионы людских судеб или они живут стихией добровольного самоограничения и самопожертвования? Естественно, что в такие времена над людским выбором властвует и та, и другая сила — и принудительная мощь государства, и то, что называется альтруизмом, героизмом, аскетизмом, самопожертвованием.

И всё-таки, в конце концов, именно свободная воля решает исход великих войн и строительства. Не мысль о штрафбате и не страх перед заградотрядами заставлял солдата цепляться за каждый клочок сталинградского берега,

как бы ни тщился Виктор Астафьев доказать обратное. Мой отец погиб голодной смертью в Ленинграде, но сейчас, перечитывая его последние письма, я понимаю, что он был человеком свободной воли. Смеляков знал о таинственном законе добровольного самопожертвования, когда размышлял о судьбе своего поколения во время “незнаменитой финской войны”:

*Шумел снежок над поздней Москвой,
гудел народ, прощаясь на вокзале,
в тот час, когда в одежке боевой
мои друзья на север уезжали.*

*Как хочется, как долго можно жить,
как ветер жизни тянет и тревожит!
Как снег валится! Но никто не сможет,
ничто не сможет их остановить...*

* * *

Одно из самых злобных и карикатурных изображений Сталина вышло из-под пера Александра Галича, человека, не сидевшего в лагерях, не воевавшего, благополучного во всех смыслах. В зарифмованном песенном фельетоне “Ночной дозор” Галич-Гинзбург просто из кожи вылез, чтобы переплюнуть в своём глумлении и Окуджаву, и Высоцкого:

*Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведёт процессию!
Он выходит на место лобное —
“Гений всех времен и народов!” —
И, как в старое время доброе,
Принимает парад уродов!*

О Галиче как о дельце и бесталанном сочинителе пьес и сценариев с брезгливостью вспоминали его современники — и русские, и еврейские. Илья Глазунов в книге “Россия распятая” вспоминает, как Борис Слуцкий с сарказмом предлагал ему, чтобы хорошо заработать, вступить в деловые отношения с Александром Галичем: “Вы должны нарисовать жену самого богатого писателя Саши Галича”.

С Галичем я встретился один раз. Случайно. В 1962 году бригада из трёх поэтов — Арсений Тарковский, Владимир Корнилов и я — поехала выступать в Латвию. Остановились в гостинице “Рига” и в коридоре встретили лощёного мужчину с усами, выводившего из своего номера местную путану. Корнилов и Тарковский поздоровались с этим человеком, перекинулись несколькими словами, а когда отошли от него, я спросил, кто он. Импульсивный Корнилов с раздражением ответил мне: “Это Галич! всю жизнь при Сталине безбедно прожил на своих конъюнктурных пьесах и сценариях, а теперь ещё и чистой славы захотелось, песенки стал сочинять...”

В словах прямодушного Корнилова одновременно слышались и ревность, и презрение: мол, и в суровое время благополучно существовал Галич за счёт водевилей, эстрадных скетчей и халтурных сценариев, а ещё и в либеральное захотел стать властителем дум и совестью интеллигенции.

Прав был ныне покойный Володя Корнилов, честный диссидент, не менявший своих убеждений. “Вас вызывает Таймыр”, “Верные друзья”, “Будни и праздники” и прочая официально-патриотическая драматургическая и эстрадная халтура были стихией Галича.

Но до какой человеческой, гражданской и литературной низости довела его ненависть к Сталину, если он решился написать: “Он выходит на место лобное — // “гений всех времён и народов!” — // и, как в старое время доброе, // принимает парад уродов”!

Два великих всемирно-исторических парада принял Сталин на Красной площади: 7 ноября 1941 года, когда солдаты шли мимо Мавзолея прямо на

передовую, чтобы умереть или отстоять Москву, откуда 16 октября в ужасе перед немцами сбежали на Восток в первую очередь “дети Арбата”, отпрыски “малого народа”. И второй парад – 24 июня 1945-го, парад Победы с фашистскими знамёнами, брошенными победителями к подножию Мавзолея. Этот парад означал, что Галич – человек 1918 года рождения, не призванный на фронт якобы по здоровью, вместе со своими соплеменниками мог считать себя спасённым от Холокоста, с которым после 9 Мая было покончено раз и навсегда. . . А ведь был выходцем из приличной местечковой еврейской семьи: отец – экономист, мать – администратор консерватории, бабушка – литературовед. . .

Русские солдаты, дети простонародья сразу шли с ноябрьского парада 1941 года в окопы, выдолбленные в мёрзлой земле, вставали из этих окопов в атаку, падали, истекая кровью, на подмосковный снег, жертвовали своими юными жизнями, чтобы такие откосившие от присяги и военной службы “уроды” остались живы и обливали их память слюной и желчью.

Галичам-гинзбургам было недостаточно проклинать Сталина, и они, пользуясь тем, что на дворе наступило смутное время, сделали мишенями своей клеветы победителей мирового зла, polegших в борьбе с ним в снегах под Москвой. Прости меня, Господи, но иногда приходит в голову мысль, что в случае победы коричневого зла таким гражданам мира, как Галич, была бы обеспечена дорога в рай через Освенцим.

Смерть настигла его, когда он, эмигрировавший в Германию, сунул руку в какой-то электроприбор. Где похоронен? Не знаю. Да это и не имеет значения. Имеет значение то, с каким достоинством ответила всяческим “галичам” в стихотворении о легендарном параде русская женщина Татьяна Глушкова!

ПАРАД ПОБЕДЫ

*Тот голос хриплый, окрылённый,
И грозный маршал на коне,
И ты, народ непокорённый,
В весеннем сне явились мне.*

*Июнь был влажным и зелёным,
И в искрах тёплого дождя
Оно казалось измождённым,
Лицо бессменного вождя.*

*Он не смотрел, как триумфатор.
Он с виду старый был солдат:
Полковник, что теперь за штатом, —
“Слуга царю, отец солдатам”? —
О, нет!.. А всё же некий фатум
Таил его усталый взгляд.*

*Штандарты, алые знамёна,
Фронтов неодолимый шаг.
О, как он смотрит напряжённо
На эту сталь, на чёрный прах*

*Чужих полотнищ: древком долу
Как их швыряют от бедра —
Как к богоравному престолу
Иль в пасть священного костра —*

*К стене Кремля!.. И в этом жесте,
Небрежном, рыцарском, — не месь:
Брезгливость, воля, чувство чести —
Отчизны царственная честь!*

*А он спокойного вниманья
Исполнен — вместо торжества.
Недвижный в дождевом тумане
И на ликующем экране
Приметный, может быть, едва.*

*Он не сказал тогда ни слова —
Как и положено тому,
Кто глянет ясно и сурово
С небес в зияющую тьму*

*Своей, столь одинокой, смерти
Своей, уже чужой, страны...
И он мне чудится, поверьте,
Невозвратившимся с войны.*

10 мая 1994

Но об этом сталинском параде один из младших “шестидесятников” Фаликов пишет в книге о Слуцком (из серии “ЖЗЛ”), может быть, ещё изощрённее и подлее, нежели Галич:

“Самое невероятное и самое роковое для поколения Слуцкого — произошло: с фронта на парад. И это был парад Победы. Печатая шаг по брусчатке Красной площади, сапоги победителей ставили точку на прениях вокруг правоты идеологии. Сталин вывернул наизнанку жертвенный подвиг народа, высший смысл жертвы, подменив служением доктрину”.

И это сказано о вожде, который 3 июля 1941-го обратился к народу со словами: “Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои”, — и, не думая о доктрине, отчеканил: “Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!” О вожде, который 7 ноября 1941 года вспомнил не идеологию, а Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. О вожде, который поблагодарил за доверие не идеологов из Института марксизма-ленинизма, а русский народ, поверивший советской власти, возглавляемой Сталиным.

А каковы слова из знаменитого приказа № 227, написанного его рукой, в страшные дни июля 1942-го, когда немецкая танковая орда прорвала фронт и покатила к Сталинграду и кавказской нефти:

“Отступить дальше — загубить Родину”, “Солнце позора”, “Каждый клочок земли”, “Ни шагу назад!” Какая там “доктрина”! Доктриной танки не остановишь...

* * *

Весьма оригинально демонстрировала свой антисталинизм Белла Ахмадулина.

Многие ветераны советской литературы в эпоху “оттепели” как бы обрели, если говорить словами Пастернака, “второе рождение”. Известный критик Иосиф Гринберг, прославлявший в 1930-е годы чекистскую поэзию Эдуарда Багрицкого и утверждавший, что его “поэзия затмила и отодвинула в сторону поэзию Есенина”, в 1960-е годы, встречаясь со мной во дворе нашего писательского кооперативного дома, с азартом расспрашивал меня, вернувшегося из Тбилиси, как там поживают Симон Чиковани или Карло Каладзе, и, вздымая выбритый до синевы подбородок, начинал с артистическим завываньем читать грузинские стихи Осипа Мандельштама:

*Человек бывает старым,
а барашек молодым,
и под месяцем поджарым
с розоватым винным паром
поплывёт шашлычный дым...*

С наслаждением продекламировав изящный стишок Мандельштама, Иосиф Львович склонил ко мне на грудь свою седую шевелюру и проникновенным голосом спросил:

— А как там в Грузии принимали нашу Белочку?

Белла Ахмадулина как раз в то время становилась культовой фигурой в среде русскоязычной и грузинской интеллигенции. Я порадовал душу Гринберга, рассказав ему, что “Белочкой восхищалась вся грузинская интеллигенция, особенно после того, как она в Кахетии, куда нас привёз Иосиф Нонешвили, на веранде деревенского дома, увитой виноградными лозами, после того, как в застолье Феликс Чуев провозгласил тост за “великого сына грузинского народа Иосифа Виссарионовича Сталина”, нырнула на мгновение под стол, сорвала со своей ножки туфельку и, отчаянно взвизгнув, запустила её, как из пращи, в закоренелого сталиниста... Застолье после подобного скандала должно было бы немедленно развалиться, но положение спас кто-то из грузинских евреев: то ли Боря Гасс, то ли вездесущий Гия Маргвелашвили. Не дав никому опомниться, он подхватил чуть ли не на лету туфельку, мгновенно плеснул в неё виноградной водки и выпил сразу за обоих именитых гостей — за поэта с огненным гражданским темпераментом Феликса Чуева и за божественный лирический талант Беллы Ахатовны.

Ахмадулина, швырнув в Чуева туфельку, тут же стерла со своего лица гримасу отвращения, словно актриса, сыгравшая роль и тут же позабывшая и о Сталине, и о Чуеве, и о туфельке.

Если говорить серьёзно, то я бы понял негодование Окуджавы или Аксёнова, у которых были личные, семейные трагедии в сталинскую эпоху. Но принимать за чистую монету негодование дочери генерала таможенной службы и сотрудницы Лубянки (я говорю о родителях Ахмадулиной, благополучно проживших свой век) — по меньшей мере, не серьёзно. На мой взгляд, это было одной из вершин её лицедейства. Что же касается убеждений Феликса Чуева, то надо вспомнить, что его отец был *сталинским соколом* — выдающимся лётчиком Великой Отечественной войны.

* * *

Осмысление того, кем и чем был Сталин для отечественной и мировой истории XX века, было необходимо для каждого значительного поэта минувшей эпохи как из стана “западников”, так и из сословия патриотов-“славянофилов”. При этом у сыновей и дочерей “оттепели” такого рода стихотворений было больше, потому что многие из них сначала вознесли вождя на пьедестал, а потом, после XX съезда КПСС им же пришлось свергать творение своих рук с пьедестала. А ведь это были весьма известные поэты: П. Антокольский, И. Сельвинский, К. Симонов, М. Алигер, Е. Евтушенко и пр. А ближе к нашему времени весьма изощрённую карикатуру на Сталина изваял лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский:

ОДНОМУ ТИРАНУ

*Он здесь бывал: ещё не в галифе —
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегда тае в кафе
покончив позже с мировой культурой,
он этим как бы отомстил (не им,
но Времени) за бедность, униженья,
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им.*

.....
*И Время проглотило эту месть.
Теперь здесь людно, многие смеются,
гремят пластинки. Но пред тем, как сесть
за столик, как-то тянет оглянуться.
Везде пластмасса, никель — всё не то;
в пирожных привкус бромистого натра.*

*Порой, перед закрытьем, из театра
он здесь бывает, но инкогнито.*

*Когда он входит, все они встают.
Одни — по службе, прочие — от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют.
Он пьёт свой кофе — лучший, чем тогда,
и ест рогалик, примостившись в кресле,
столь вкусный, что и мёртвые: “О, да!” —
воскликнули бы, если бы воскресли.*

Январь 1972

Строки о том, как “один тиран” “арестом завсегдатаев кафе” покончил “позже с мировой культурой”, свидетельствуют, что Бродский читал сталинские тексты, ибо в беседе с немецким писателем Эмилом Людвигом в 1931 году Сталин так сказал о революционерах-эмигрантах: “Тех товарищей, которые остались в России, которые не уезжали за границу, конечно, гораздо больше в нашей партии и её руководстве, чем бывших эмигрантов (...) Я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и всё же не сумели изучить Европу и не поняли её”.

И Сталин, в отличие от Иосифа Бродского, был прав. То, что через несколько лет после 1931 года объединённая Гитлером Европа станет “коричневой” и будет подмята под свастику, никакие Радеки, Белы Куны, Кольцовы, Красины и Пятницые-Тарсисы действительно понять не могли. Это мог понять лишь человек, побывавший в ссылках и тюрьмах в Батуми, в Сольвычегодске, в Вологде, в Нарыме, на енисейской Курейке, в иркутской Новой Уде, в красноярском Ачинске.

Кстати сказать, Юзик Алешковский в своей песне “Товарищ Сталин, Вы большой учёный” невольно отдал дань этой стороне жизни вождя: “Сижу я там же, в Туруханском крае, // где при царе не раз бывали вы”, и к тому же, стараясь осмеять Сталина-лингвиста (“в языкознание знаете вы толк”), он на деле побудил вспомнить нас, что Иосиф Виссарионович, не согласившись с выводами академика Марра о “классовой сущности языка”, был, как это ни парадоксально, куда ближе к истине, нежели многие академики от марксизма.

* * *

У камерного питерского поэта Александра Кушнера тоже есть стихотворение о Сталине, но оно ещё более пустое и ещё более “кафеино-гастрономическое”, нежели вирши Бродского о венском кафе.

*В ресторане “Аттила” на скатерти луч плясал.
Посмотрел бы Аттила на чистенький этот зал,
Где нам подали кофе с мороженым и варенье.
Интересно, что он подумал бы, что сказал?
Вавилонское, ты мне нравишься, столпотворенье.
.....
И когда-нибудь, лет через тысячу, интурист
Отутюжит гостиницу, чистую, как батист,
И на вывеске будет написано “Джугашвили” —
Тем приятнее номер, что солнечен так и чист.
И не всё ли равно, как назвать, — так его забыли.*

1990

Кто знает, кто знает... Тысячелетия уже прошли, а мы всё помним о великих египетских фараонах, о Юлии Цезаре и Аттиле... Думаю, что стихи Кушнера забудутся быстрее, нежели фамилия, а тем более великий псевдоним

героя его стихотворения. Да они и написаны-то, в сущности, не о Сталине, а о “Джугашвили”. А это громадная разница, о чём знал Иосиф Виссарионович, когда выговаривал своему сыну Василию, кричавшему во время хмельных скандалов, в которых проходила его молодость: “Моя фамилия Сталин!” Узнав об этом, отец пристыдил сына: “Ну, какой ты Сталин? Я – и то ещё не Сталин!”

Метания “детей Арбата” от славословий к проклятиям были частью того потока пошлости, лжи и страхов, о которых Иосиф Сталин сказал когда-то Александре Коллонтай: *“После моей смерти на мою могилу нанесут столько мусора...”* – и добавил: *“Но ветер истории развеет его...”*

Ненависть к Сталину лишала “шестидесятников” не только литературных способностей, которыми многие из них всё-таки обладали, не только ума, но и честности по отношению к истории Отечества. Мы, русские патриоты, не выдёргивали имя и дела Сталина из потока истории, но, наоборот, погружали в неё, понимая, что при тогдашних обстоятельствах картина жизни эпохи не могла быть другой. Победы и поражения, подвиги и преступления, взаимоотношения народа и власти... Эта стихия истории – и в мелочах, и в величии, в судьбах наших отцов и матерей – была вся нашей... И проживя вместе со своими отцами и матерями весь XX век, мы научились отличать правду от правдоподобной лжи, научились понимать, что такое неизбежный, а порой и необходимый ход истории. Который раз вспоминаю о том, что три дочери моей бабушки Дарьи при помощи сталинских социальных лифтов не остались крестьянками, но вышли в люди: одна стала директором швейной фабрики, другая – главным диспетчером железной дороги, третья – врачом-хирургом, а их младший брат, учившийся сапожному делу, стал “сталинским соколом” и знаменитым лётчиком, записанным в калужскую “Книгу славы” Отечественной войны. Мои встречи и знакомство с известным современным социологом Александром Зиновьевым окончательно утвердили меня в правильности моих взглядов. Вот что писал Зиновьев о сталинской эпохе:

“Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шёл. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у её детей (она родила одиннадцать детей!)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения “плохо” и “хорошо”. Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъём многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, учёные, писатели, директора и т. д., и т. п.

Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему своё имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодёжь ещё будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами...

И Великую Отечественную войну мы могли выиграть только благодаря коммунистической системе. Я ведь войну с первого дня видел, всю её прошёл, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году”.

* * *

А сколь искренни и значительны мысли такого же, как и Александр Зиновьев, крестьянского сына Николая Рубцова в стихотворении, где он вспоминает Сталина и его время, и вообще всю судьбу России в трагическом XX веке:

НА КЛАДБИЩЕ

Неужели

одна суета

*Был мятеж героических сил
И забвением рухнут лета
На сиротские звёзды могил?*

*Сталин что-то по пьянке сказал —
И раздался винтовочный залп!
Сталин что-то с похмелья сказал —
Гимны пел митингующий зал!*

*Сталин умер. Его уже нет.
Что же делать — себе говорю, —
Чтоб над Родиной жидкий рассвет
Стал похож на большую зарю?*

*Я пойду по угрюмой тропе,
Чтоб запомнить рыданье пурги
И рожденные в долгой борьбе
Сиротливые звёзды могил.*

*Я пойду поклониться полям...
Может, лучше не думать про всё,
А уйти, из берданки паля,
На охоту*

в окрестности сёл...

1960

Очень “рубцовское” единственное о Сталине стихотворение молодого русского поэта с характерной для него строкой: “Может, лучше не думать про всё...” Никакого глумления, никакого кощунства, никакой ярости, столь щедро изливающейся до сих пор из уст потомков “проклятой касты”... Сын русского простонародья, воспитанник детского дома из вологодской деревни Никола, дитя чудом выжившей в XX веке России — вот каким предстаёт Николай Рубцов в стихотворении, неспроста названном “На кладбище”.

Живя в деревне Никола, Рубцов в последние годы жизни читал Слуцкого и даже в одном из писем к нему просил денег взаймы, но его, видимо, крайне удручило глумливое отношение Бориса Абрамовича к сталинскому тосту за русский народ. Я понимаю чувства и мысли Рубцова, прочитавшего в стихотворении Слуцкого:

*Это был не просто тост
(здравицам уже пришёл конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
за терпенье.*

*Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть...*

Всей сущностью своего стихотворения “На кладбище” Рубцов спорит со Слуцким. Он верит, что “мятеж героических сил” не может быть “суетой”, потому что за этот мятеж заплачено “сиротскими звёздами могил”. Рубцов верит, что “жидкий рассвет”, загоревшийся “над Родиной”, станет похожим “на большую зарю”. Поэтому он идёт поклониться полям, поэтому он помнит “рыданье пурги” и с удручением вспоминает глумливые стихи Слуцкого в четырёх строчках своего трагического стихотворения:

*Сталин что-то по пьянке сказал —
И раздался винтовочный залп!
Сталин что-то с похмелья сказал —
Гимны пел митингующий зал!*

Николай Рубцов умел в своих стихах радоваться жизни или печалиться о ней. Но не мог лишь одного — глумиться над нею. Он, веривший, что именно “крест” есть памятник каждому из нас, смиренно соглашается с тем, что и “звёзды на могилах” — тоже памятники, “рождённые в долгой борьбе”.

* * *

Столь же, как у Рубцова, простодушное, а потому по-своему честное понимание истории отражено в стихотворении замечательного русского поэта Алексея Прасолова. “В слезах народа лицемерья нет”, — вот истина, недоступная изощрённому рафинированному письму Иосифа Бродского или Александра Кушнера, я уж не говорю о развязной сталиниане “дворянина с арбатского двора”. “Я рос под властью имени вождя” — откровенно и простодушно пишет Прасолов, словно бы продолжая искренность и откровенность Михаила Исаковского: “Мы так вам верили, товарищ Сталин, // как, может быть, не верили себе”.

*Мы многое не знали до конца,
И в скорбном звоне мартовской капели
Его, приняв покорно за отца,
Оплакали и преданно отпели.
В слезах народа лицемерья нет,
Дай Бог другим завидный этот жребий!
Ведь был для нас таким он в годы бед,
Каким, наверно, никогда и не был.
Я рос под властью имени вождя,
Его крутой единоличной славы,
И, по-ребячьи строчки выводя,
В стихе я гордо имя это ставил!*

1963

Недаром же Александр Твардовский, будучи главным редактором журнала “Новый мир”, открыл читателям нашей страны творчество сына воронежской земли Алексея Прасолова.

* * *

С глубокой народной простотой мысли и слова написано стихотворение о Сталине Юрия Лощица. Сюжет и смысл его несравненно глубже стихов “детей оттепели”, смакующих кофе в австрийской столице или в венгерском ресторане “Аттила”. Всё дело в том, что для Юрия Лощица Иосиф Сталин — это (как он сказал сам о себе) “русский грузинского происхождения”, и потому во всех многочисленных тюрьмах и ссылках выжить ему помогли русские народные песни, о чём Юрий Михайлович Лощиц вспомнил в Прощёный день:

ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

*Облаянный всеми, кому не лень,
во всём обвинённый, за всех,
позволь мне, в этот Прощёный день
хоть один сниму с тебя грех.
Советской попсы как ни боек припляс,
а всё же в застолья час
ты наши долгие песни певал
про степь да про море-Байкал.*

*С бродягой бродяжил,
пил с ящичком,
по матери старой тужил.
В такую-то ночь, от себя тайком,
ты русским запасом жил.
В тайге не пропал, не замёрз во льдах,
но за песни те до сих пор
обвывает тебя и кромсает твой прах
ненасытный шакалий хор.*

А “ненасытный шакалий хор” до сих пор не умолкает, о чём вспомнил новосибирский наш друг и ветеран русских “шестидесятников”, поэт и философ Юрий Ключников:

*Который год перемывают кости,
полощут имя грозное в грязи.
Покойникам нет места на погосте,
нет и живым покоя на Руси.*

*Нам говорят, что он до самой смерти
был дружен с князем тьмы. Но отчего
трепещут и неистовствуют черти
до сей поры при имени его?*

Прочитал я эти стихи в письме Юрия Ключникова, присланном мне в редакцию, и подумал: “Нет, борьба “за Родину, за Сталина” до сих пор не окончена и нам нельзя проиграть её, как нельзя было проиграть Отечественную войну”.

* * *

Удивительно и закономерно то, что некоторые честные либералы – убеждённые антисталинисты конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века – по мере того, как ход истории всё глубже обнажал все беды, которые принесла нам перестройка к концу 1990-х, безо всяких усилий с нашей стороны приближались к нам, к нашим взглядам и убеждениям. Мне, часто в те времена бывавшему в Грузии, вспоминается, как восторженно приняла в 1961 году грузинская интеллигенция антисталинское стихотворение Юнны Мориц, посвящённое памяти Тициана Табидзе, погибшего в 1937-м. . .

*На Мцхету падает звезда...
.....
Кто это право дал крестину
Совать звезду под гильотину?*

Зал хлопал, Юнну Мориц поздравляли, в её честь Гиви Маргвелашвили и семейство Фейгиных поднимали тосты, тбилисские газеты на следующий день после вечера поэзии печатали её портреты на своих страницах. . . И вот прошло полвека, и обнаружив, что наша “пятая колонна” спорит о том, кто хуже – Гитлер или Сталин, честная русская поэтесса Юнна Пейсаховна Мориц ответила им:

ХОЗЯЙСТВО

*Когда бы жили вы в Европе
При Геббельсе и Риббентропе,
Где европейского еврея
Швыряли в печку, небо грея,
Тогда бы спорить вы не стали:
Кто хуже — Гитлер или Сталин?*

*Когда бы жили вы в Европе
При Геббельсе и Риббентропе,
Где европейские фашисты
Пушисты были и душисты
На мыловарне, где, зверея,
Варили мыло из еврея, —
Тогда бы спорить вы не стали:
Кто хуже — Гитлер или Сталин?*

*Зато хозяйства корифеи
Прозрели (в том числе евреи),
Что Гитлер, мыслящий злодейски,
Хозяйство вёл по-европейски,
А Сталин вёл по-азиатски,
Отстав от европейцев адски.*

*Кто хуже — Гитлер или Сталин,
Который был опьедестален
И зверски выиграл войну,
Спася от Гитлера страну?..
Но, блям, хозяйства корифеи
Прозрели (в том числе евреи), —*

*Что Гитлер, победив злодейски,
Хозяйство вёл бы европейски!..*

* * *

В 2019 году, в издательстве “Молодая гвардия” вышла книга Дмитрия Быкова “Шестидесятники”. В главе о Новелле Матвеевой автор пишет о “гриновских чудесах” её поэзии, о её “сумеречном состоянии”, о “пристрастии к таинственному”, но молчит о том, что в последние годы жизни Новелла Матвеева всеми мыслями и чувствами обратилась к “Нашему современнику”, желанным автором которого она стала, что ей стал близок образ не кого-нибудь, а Иосифа Сталина, что она дарила мне свои книги с такими дарственными надписями, от которых литературоведам вроде Быкова может стать плохо.

И у Новеллы Матвеевой сближение с нами произошло стремительно и без всяких комплексов, поскольку она вышла из коренной русской семьи.

Помню свои впечатления от её песен, услышанных мною в начале 1960-х. Они задевали какие-то особенные струны души, в них было столько разливающейся свободы, что я до сих пор вспоминаю, как “развесёлые цыгане”, гулявшие “по Молдавии”, украли в одном селе “молодую молдаванку” и “воспитали, как цыганку”... И стала она скитаться по земле с табором в паре с медвежонком, который подчинялся ей и “просил деньжонок” у слушателей и зрителей этой дивной сказки о том, как люди рано или поздно прощаются с прошлой жизнью:

*Позабыла всё, что было,
И не видит в том потери...
Ах, вернись, вернись, вернись,
Ну, оглянись, по крайней мере...*

Новелла Матвеева, к сожалению, в то время была окружена почитателями из либеральной интеллигенции и далека от нашего круга. Несколько десятилетий мы жили и творили в разных слоях общества и в разных домах. Но время, как вода, точит камень, и каково было моё радостное удивление, когда незадолго до смерти она прислала мне свою последнюю книжицу с неожиданной надписью: “Замечательному человеку, Поэту, Публицисту, Прозаику, Издателю, — тёмных сил Гонителю — Станиславу Куняеву на праздник Победы — от автора. Н. М.

8–9 мая 2015 г. (книга, правда, детская, но в конце есть некоторые песни)”.
Но мало того, вскоре мы напечатали несколько её стихотворений, свидетельствующих о том, что Новелла бесстрашно приняла нашу сторону в спорах об историческом пути России, о Великой Отечественной войне, о Сталине.

*Клеймя “тирана” с трубкой и усами,
Вы первые тиранствуете сами;
На пробующих робко спорить с вами
Бросаетесь клокочущими псами!
Но... топая ногой, но лбом тараня,
Ассаргадонствуя и тамерланя,
Желая подчинить себе Россию,
Не напроситесь на тиранию,
Вам встречную! Настроенную грозно!
Уймитесь же, эй, вы! Пока не поздно...*

Вот такое клеймо поставила на “шестидесятничестве” Новелла Матвеева, о которой в своей антологии “Строфы века” впавший в сентиментальную высокопарщину Евгений Евтушенко писал: “Новелла Матвеева стала Ассолью, а свою поэзию превратила в корабль под алыми парусами”.

В начале сентября 2016 года она пригласила сотрудников журнала “Наш современник” к себе на подмосковную дачу, но наше свидание не состоялось. 4 сентября Новеллы не стало. Либеральная пресса почти не заметила этой утраты, но в некрологе “Нашего современника” мы нашли слова, достойные её памяти:

“Добрейший и душевнейший человек в личном общении, закрытая для празднотлюбивых, она явила себя подлинно гражданским поэтом, непримиримым к проповедникам социального расизма, клеветникам России нового разлива.

“Мы не покладисты. Мы не покладисты. Мы не из бархата! Вот только жаль: немного меньше стало сил у нас...” – писала она сравнительно недавно. Но ещё много лет назад Новелла Матвеева, добрая сказочница, в своих памятных песнях отчётливо сформулировала своё кредо:

*Всё едино? Нет, не всё едино.
Пламя, например, отнюдь не льдина.
Плут о благе ближних не радетьель,
А насилие — не добродетель.*

*.....
Всё едино? Нет, не всё едино:
В рощах нет повторного листочка!
Потому что, если “всё едино”,
Значит — “всё дозволено”. И точка.”*

* * *

Но что это были за люди – Владимир Ленин и Иосиф Сталин, – стоявшие в центре событий первой половины XX века, в центре эмиграции, революции, гражданской войны, в центре жесточайших кровопролитий и красного террора? Одни историки убеждены, что они творили мировую и советскую историю сами, другие верят, что они, обладавшие особым слухом, лучше и раньше других угадывали ход истории и выполняли её волю. Но ясно одно: они оба служили строительству не виданного до них общества и не существовавшего до сей поры государства. Всё, что мешало им на этом неизведанном пути, они разрушали, уничтожали, стирали с лица Земли...

Ради достижения высшей цели они могли, если этого требовали обстоятельства, принимать казавшиеся со стороны гибельными решения.

Ленин мог пойти на “позорный” Брестский мир, чтобы вскоре отвоевать у поляков Украину. Он мог отдать грузинским и армянским националистам Закавказье, потому что знал, что через год-другой вернёт его в состав рождающегося в его воображении Советского Союза.

Сталин мог мобилизовать все дипломатические силы советского послевоенного блока государств, чтобы они проголосовали за создание государства Израиль, поскольку эта победа ослабляла позиции англосаксов на Ближнем Востоке в разгар “холодной войны” с ними. Портреты Сталина после этого висели во всех еврейских кибуцах, бывших своеобразными колхозами Израиля. Но когда деятели Еврейского антифашистского комитета в ультимативной форме потребовали от Сталина создания еврейской республики на Крымском полуострове, то в ответ на этот ультиматум все пятнадцать видных деятелей ЕАКа были расстреляны, а его руководитель Соломон Михоэлс погиб в Минске при загадочных обстоятельствах. И евреи в кибуцах перестали понимать – оставлять ли портреты Иосифа Виссарионовича в кибуцах или растоптать их, но вождю до этого не было дела. Недаром же историк Рой Медведев, чей отец погиб в 1937 году, писал в книге “Иной Сталин” (2001): *“Для таких людей, как Ленин и Сталин, невозможно определить, сыграли ли они в судьбе человечества отрицательную или положительную роль. Они сыграли историческую роль. Советский Союз не был аномалией исторического развития, это был шаг вперёд из того тупика, в который завела мир Первая мировая война”*.

До сих пор историки не могут понять, что заставило Сталина раскрутить кровавое “ленинградское дело”, в результате которого были репрессированы около тридцати тысяч партийных работников разного уровня, вплоть до председателя Госплана СССР и члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. Вознесенского, первого секретаря ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова и первого секретаря горьковского обкома ВКП(б) М. И. Родионова. Расхожие мнения историков таковы, что эти выдающиеся партийные кадры русской национальности готовили создание коммунистической партии Российской Федерации, чтобы укрепить позиции РСФСР в семье всех шестнадцати союзных республик. Но вот как эта немыслимая жестокость была объяснена самим Сталиным, который ещё 7 ноября 1937 года на банкете в честь 20-летия Октябрьской революции произнёс тост, в котором предупредил и будущих “русских” патриотов, и будущих “еврейских” сепаратистов, чтобы они не лелеяли всяческих “национальных планов” – ни создания компартии РСФСР, ни создания еврейской советской республики в Крыму, о чём мечтала группа еврейских лидеров во главе с Михоэлсом:

“Каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только бы нанесла ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он – враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы и был он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью... беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца – их самих и их рода!” Особенно злое и пророчески звучит сталинская угроза в адрес “старых большевиков” – соратников Ленина.

Это кажется чудом, но лишь сейчас, спустя 80 лет после сталинского оправдания жестокости тех лет мы, видя потоки крови, пролившиеся в 90-е годы в Чечне, в Таджикистане, в Молдове, в Абхазии, в Осетии, в Нагорном Карабахе, в нынешней Украине (какие там 30 тысяч – сотни тысяч!), начинаем понимать, насколько он был прав, предвидя, что, расчленив нас на национальные государства, враги СССР будут поочередно расправляться с каждым из них. Особенно неотразимо звучит его предсказание в отношении Украины, о судьбе которой вождь поведал своему ближайшему окружению за полтора года до окончания войны.

В самый разгар нашего контрнаступления на захваченные в начале войны гитлеровцами западные территории Советского Союза один из самых популярных кинорежиссёров сталинской эпохи украинец Александр Довженко задумал снять фильм по своей киноповести “Украина в огне”. Узнав об этом, Сталин затребовал киноповесть, прочитал и приказал срочно устроить её обсуждение, куда были приглашены все виднейшие руководители государства и партии (Молотов, Щербаков, Маленков, Хрущёв, Берия, Микоян), а также, наряду с Довженко, многие самые авторитетные украинские писатели.

Вот несколько важнейших отрывков из выступления Иосифа Сталина на этом обсуждении, состоявшемся 30 января 1944 года:

“Кому-кому, а Довженко должны быть известны факты выступлений петлюровцев и других украинских националистов на стороне немецких захватчиков против украинского и всего советского народа. Эти подлые изменники родины, предатели советского народа не отстают от гитлеровцев, убивая наших детей, женщин, стариков, разоряя наши города и села. Они целиком перешли на сторону немецких злодеев, стали плачами украинского народа и активно борются против советской власти, против нашей Красной армии. Если бы Довженко задался целью написать правдивое произведение, он должен был бы в своей киноповести заклеить этих изменников. Но Довженко, видимо, не в ладах с правдой. <...>

Нетерпимой и неприемлемой для советских людей является откровенно националистическая идеология, явно выраженная в киноповести Довженко. Так, Довженко пишет:

“Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин – на север, на юг, на запад, на все четыре стороны света, – мы бьёмся за Украину! Вот она дымится перед нами в пожарах, наша мученица, родная земля!.. Мы бьёмся за то, чему нет цены в мире, – за Украину!

– За Украину! – тихо вздохнули бойцы.

– За Украину! За честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный!”

Ясно, насколько несостоятельны и неправильны такого рода взгляды. Если бы Довженко хотел сказать правду, он должен был бы сказать: куда ни пошлёт вас Советское правительство – на север, на юг, на запад, на восток, – помните, что вы бьётесь и отстаиваете вместе со всеми братскими советскими народами, в содружестве с ними наш Советский Союз, нашу общую Родину, ибо отстоять Союз Советских Социалистических Республик – значит отстоять и защитить и Советскую Украину. Украина как самостоятельное государство сохранится, окрепнет и будет расцветать только при наличии Советского Союза в целом.

Довженко не в ладах с правдой, поэтому он всё поставил с ног на голову. Однако свет клином не сошёлся, – ...чего не понимает Довженко, прекрасно понимают трудящиеся Украины. Украинцы героически бьются с врагом на всех участках нашего большого фронта. Они хорошо борются с врагом, и они понимают, что бороться за Советский Союз означает бороться за их родную Украину. Они понимают то, чего не понял Довженко, а именно: все народы Советского Союза борются за Украину. В ходе этой борьбы те области Украины, которые были захвачены врагом в первый период войны, теперь освобождены. Это оказалось возможным благодаря боевому содружеству русских и украинцев, грузин и белорусов, армян и азербайджанцев, казахов и молдаван, туркмен и узбеков – всех народов Советского Союза.

Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы.

Значит, и здесь Довженко опять не в ладах с правдой. Его киноповесть является антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности...

...Националистическая идеология Довженко рассчитана на ослабление наших сил, на разоружение советских людей, а ленинизм, то есть идеология большевиков, которую позволяет себе критиковать Довженко, рассчитан на дальнейшее упрочение наших позиций в борьбе с врагом, на нашу победу над злейшим врагом всех народов Советского Союза – немецкими империалистами”.

Всё, что произошло на Украине с 1991 года, всё, что произошло с 2014 года и происходит сегодня, – всё было предсказано Сталиным в 1944-м... Он, говоря об украинском петлюровско-фашистском национализме, предвидел его нынешнюю бандеровско-американскую разновидность. Прочитав его приговор украинскому национализму, мы начинаем понимать, почему он был так жесток со своими по крови грузинскими националистами в 1920-е – 1930-е годы, почему по его воле были высланы на Восток страны чеченцы, крымские татары,

калмыки... И даже почему он расправился за два года до своей смерти с идеологами русской коммунистической партии. Бог ему судья, как говорится, но он, в отличие от всех последующих генсеков и вождей СССР и России, умел брать всю ответственность на себя и отвечать перед историей и Господом Богом за все свои деяния и злодеяния.

* * *

Блистательный по точности диагноз поставил нашему “шестидесятничеству” историк Андрей Фурсов.

Как человек науки, он изложил свой приговор без лишних слов – сухо и неотразимо:

“Шестидесятничество” – это **реакционная** утопия советского общества (а также советской номенклатуры и приноменклатурной части советской интеллигенции). Реакционная в том смысле, что сталинскому периоду они противопоставляли прошлое – ленинский период, ленинские нормы. Это очень соответствовало целям и задачам номенклатуры второй половины 1950-х – начала 1960-х годов, когда своё превращение в слой-для-себя, в квазикласс она представляла и камуфлировала как критику “культа личности Сталина” и “возвращение к ленинским нормам”. Вообще десталинизация верхов и их обслуги в СССР (“развенчание культа личности”) есть показатель и мерило олигархизации власти и превращения верхов в квазикласс, а в РФ – в квазибуржуазию, в новых “толстяков”. И чем более сытой и вороватой является верхушка, тем больше ненавидит она и Сталина, и его систему, и социалистическую революцию, и – в конечном счёте – народ. Ненависть к Сталину – явление классовое. Впрочем, для определённых этнических групп, точнее, их части – национальное, однако и в этом случае работает сталинская формулировка “национальное по форме, классовое по содержанию”.

Во-вторых, превращение номенклатуры в квазикласс и олигархизация её власти в 1950-1960-е годы потребовали в качестве прикрытия обращения к ленинскому прошлому (и обоснования им), к временам гражданской войны. “Шестидесятничество” с его “идеалами” (“и комиссары в пыльных шлемах // склонятся молча надо мной” – Б. Окуджава) не просто оказалось созвучно олигархизации-“оттепелизации” номенклатуры, но придало ему некое внешнее привлекательное дополнительное фрондерское обрамление и обаяние”.

* * *

В истории человечества пламя революций приходилось сначала раздувать, а потом гасить многим “нелегитимным” диктаторам: Кромвелю, Робеспьеру, Наполеону, Ата Тюрку, Мао Цзедуну (а скорее, его преемнику Дэн Сяо Пину) и, конечно же, Ленину со Сталиным. Каждый из них рано или поздно, но осознавал, что, совершив должные перемены в обществе, каждая из революций начинает жить под властью закона, гласящего, что она пожирает своих детей. Этот закон афористично выразил один из самых думающих советских “шестидесятников” Борис Слуцкий:

*У государства есть закон,
Который гражданам знаком.
У антигосударства
Не знает правил паства.*

*Держава, подданных держа,
Диктует им порядки,
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки.*

*Когда берёт бумагу бунт,
Когда перо хватает,
Уже одет он и обут
И юношей питает,*

*Отраду старцам подаёт,
Уже чеканит гривны,
Бунтарских песен не поёт,
Предпочитает гимны.*

*Остыв, как старая звезда,
Он вышел на орбиту
Во имя быта и труда
И в честь труда и быта.*

Об одном обстоятельстве только умолчал Слуцкий: чтобы окончательно выйти на орбиту “труда и быта”, обществу надо расправиться со всеми “пламенными революционерами”, то есть осуществить то ли термидор, то ли 1937-й год, то ли майдан, чего до сих пор не могут понять доживающие свой век дети XX съезда КПСС, они же дети Арбата, они же кумиры нынешней “5-й колонны”. В середине 1930-х годов в Советском Союзе схватились не на жизнь, а на смерть два потока сознания: один требовал, чтобы мы “дошли до Ганга”, чтобы завоевали “землю крестьянам” в испанской Гренаде, чтобы народ, не щадя себя, жил революционными страстями: “...не до ордена, // была бы Родина // с ежедневными Бородино”. Но Сталин уже повернул руль истории “во имя быта и труда”, во имя Днепрогэса и Магнитки, во имя реабилитации казачества и Кузбасса, во имя “Страны Муравии” и Конституции, где было написано, что “человек у нас имеет право на ученье, отдых и на труд”.

* * *

Споры о Сталине в России, да и в мире не утихают до сих пор. Однако, как это ни странно, но английский аристократ, писатель, воспитанник Кембриджа и пожизненный пэр британской короны Чарльз Перси Сноу был куда более справедлив и осведомлён, нежели наши “шестидесятники”, когда писал в своих размышлениях о Сталине:

“Не теряя времени, он приступил (в какой-то мере, был вынужден к тому, ибо ход подобных процессов неумолим и неизбежен, тут одна из причин, почему его враги оказались столь слабы) к величайшей из промышленных революций. “Социализм в одной стране” должен был заработать. России в десятилетия предстояло сделать примерно то же, на что у Англии ушло 200 лет. Это означало: всё шло в тяжёлую промышленность, примитивного накопления капитала хватало рабочим лишь на чуть большее, чем средства пропитания. Это означало необходимое усилие, никогда ни одной страной не предпринимавшееся. Смертельный рывок! И всё же тут Сталин был совершенно прав. Даже сейчас, в 60-е годы, рядом с техникой, не уступающей самой передовой в мире, различимы следы первобытного мрака, из которого приходилось вырывать страну. Сталинский реализм был жёсток и лишён иллюзий. После первых двух лет индустриализации, отвечая на мольбы попридержать движение, выдержать которое страна больше не в силах, Сталин заявил: “Задерживать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: “Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь”. ... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут”.

Нас не смяли. И по этому поводу наши “шестидесятники” рыдают вот уже почти столетие, словно евреи на реках вавилонских... Однако, рыдай не рыдай, но логика мышления, пытаюсь принять всю чрезвычайную сложность нашей революции и последующего сталинизма, бывает бессильна, и нам приходится прибегать к языку чувств, чтобы осознать всю трагедию минувшей эпохи. Вот он, этот язык:

“Многие диссиденты на склоне лет приходили к новому пониманию того, что случилось со страной. Не так давно в возрасте 96 лет скончался писатель Олег Васильевич Волков. Дворянин из богатой и знатной семьи, он 28 лет просидел в сталинских лагерях и, понятно, был антисоветски настроен. Перед

смертью он сказал: “Я по-прежнему не принимаю и ненавижу коммунизм, но я с ужасом думаю, что теперь будет с Россией. Она слишком уязвимая и хрупкая страна, ей нужна была эта броня из СССР. А теперь я умираю с ужасом за будущее России”. Это – слова Вадима Валериановича Кожина, после которых он добавил: “Не Сталин определял ход истории, а история определяла ходы Сталина”.

А вот что писал о Сталине наш “шестидесятник” Владимир Алексеевич Солюхин:

“Как ни странно, в сердцах русских эмигрантов, относящихся к СССР сугубо враждебно, победа СССР вызвала волну патриотизма. Победил СССР, но победил и русский народ, победила Россия. Кстати сказать, это словечко – “Россия” – применительно к государству стало звучать всё чаще и чаще. И вовсе не случайно один из русских эмигрантов бросил в лицо французам четверостишие, исполненное национальной гордости:

*Молитесь, толстые прелаты,
Мадонне розовой своей.
Молитесь, русские солдаты
Уже седлают лошадей.*

Сейчас уже не удастся установить степень искренности либо степень холодного рассудка и хитрости в действиях Сталина, но совершенно очевидно, что эти действия носили реставрационный характер. Сталин решил напомнить русским, что они – великий народ. Причём его действия в этом направлении можно даже нумеровать. Во-первых, он напомнил народу о его великих предках. Большевики двадцатых – начала тридцатых годов уничтожили памятники Скобелеву и Багратиону, ворошили их и царские могилы, а тут вдруг зазвучало: “Пусть вдохновляет вас... мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..” Можно ли представить себе военачальников первых лет революции – Троцкого, Якира, Тухачевского – с орденами Александра Невского на груди?!

Вторым шагом были погоны. До этого слово “погоны” было ругательным словом, не говоря уж о слове “золотопогонник”. В один день вся армия, от рядовых до маршалов, оказалась в погонах. Командиров и комиссаров (кстати сказать, вскоре упразднённых) стали называть офицерами. Помню, как впервые я услышал команду (вошёл в комнату для занятий командир полка): “Встать! Товарищи офицеры!” Прозвучало как гром среди ясного неба, но все приняли это как должное и, по-моему, даже с радостью.

Появилась гвардия. Появились Суворовские и Нахимовские училища (то есть кадетские), появилось раздельное обучение, появились школьные формы, белые фартучки у девочек, как у гимназисток. Начали культивировать среди молодёжи старинные бальные танцы, возвращавшие людям грацию, чувство прекрасного и чувство собственного достоинства. В армии среди офицеров начали потихоньку культивировать дуэли как средство к возрождению понятия о чести (видимо, дело шло к возрождению привилегированной прослойки людей с понятием о чести, нечто вроде неодворянства).

В 1944 году в Кремль откуда-то привезли орлов, которые некогда находились на кремлёвских башнях. Зачем?

Сопоставим ещё два факта. 20 апреля 1920 года декретом Совнаркома (то есть Ленина) была закрыта Троице-Сергиева лавра, а всё её имущество изъято. 21 апреля 1946 года лавра была открыта, более того, при ней возникли Духовная семинария и Духовная академия. Открыта была лавра не как-нибудь, а в Пасхальный день. Можно представить себе, какое было там ликование. Оппоненты тут как тут: “Это Сталин заигрывал с народом, чтобы устоять в войне”, “Жареный петух в темечко клонул”. Но в 1946 году никакого нашествия уже не было, была полная победа...

Вспоминаю, как отмечался юбилей Ивана Андреевича Крылова. Это было национальное, всенародное торжество и празднование с гуляниями по всей Москве, на Манежной площади. Это Сталин напоминал народу, что он великий народ. Я уж не говорю о торжествах по случаю 800-летия Москвы.

Доказать не могу, но убеждён, что, проживи Сталин ещё несколько лет, он провозгласил бы себя императором.

Между прочим, никто не заметил, когда и как он снял с себя звание генсека. Да, последние лет пять своей жизни он генсеком уже не был. Кем же он был? Просто Сталиным. Да и без провозглашения был фактическим самодержцем, если забыть, что монархия должна быть народной. Впрочем, разве народ, несмотря на зверства, творимые Сталиным на протяжении своего владения, не любил его самозабвенно? Разве не рыдали в дни его похорон миллионы россиян, начиная с домохозяек, кончая маршалами Рокоссовским и Жуковым (а ведь Рокоссовский успел уже “посидеть”, прежде чем его позвали командовать)? Разве сотни стихов и песен о Сталине не говорят о фанатичной и всё же во многих случаях искренней любви к этому неоднозначному человеку? Почему нет ни одного стихотворения о Хрущёве, о Брежневе? Одни анекдоты”.

Размышляя о роли Сталина в строительстве социализма, надо помнить не только о том, что он построил, но и о том, от чего он был вынужден отказаться. Вспомним, что главная книга Льва Троцкого называлась очень точно и справедливо “Преданная революция” и была написана в 1936 году. Но лишь в 1956 году Белла Ахмадулина заявила своим товарищам-“шестидесятникам”: “Наша революция сдохла”, – то есть повторила то, о чём писал Троцкий.

В этой книге Троцкий вне себя от ярости перечислил всю цепочку сталинских предательств революции: возрождение культа семьи, восстановление в правах казачьего сословия, которое ненавидел Троцкий, возвращение гражданских прав социальным группам и сословиям (кулаки, бывшие чиновники, офицеры из дореволюционного офицерского корпуса и белогвардейских частей), придание юридической силы принципу “сын за отца не отвечает”, возвращение из ссылки крестьян, репрессированных “по закону о колосках”.

А ещё можно вспомнить изъятие из репертуаров московских театров пьесы Демьяна Бедного “Богатыри” с формулировкой “за глумление над крещением Руси” или репрессии, постигшие ленинских соратников Бухарина, Каменева, Зиновьева, Радека, Пятницкого, оставшихся к середине 1930-х годов идеологами мировой революции. А чистка органов НКВД от таких комиссаров, как Ягода, Трилиссер, зампреда ОГПУ Агранов, Ал-р Орлов (Лейба Фельдбин), Игнатий Рейс (Н. Порецкий), Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзбург), Глеб Бокий, Александр Бармин (Графф), писавший о “ликвидации дела Ленина” и сетовавший, что “Каины рабочего класса уничтожают детей революции”...

* * *

Когда Евгений Евтушенко сочинял свою необъятную поэму “Казанский университет”, то много раз вспоминал имя Пушкина: “Я пушкинианец”, “мы под сенью Пушкина росли”, “Наследники Пушкина, Герцена // мы – завязь, мы вырастим плод. // Понятие “интеллигенция” // сольётся с понятием народ” и т. д.

Но никогда диссидентская “5-я колонна”, в 1970-е годы уже сформировавшаяся и начавшая хлопоты об эмиграции, о выезде из страны, о двойном гражданстве, сочинявшая коллективные письма в защиту Даниэля и Синявского, выходящая на Красную площадь с протестами против “вторжения наших войск в Чехословакию”, – никогда такая “интеллигенция” не могла “слиться” с народом и простонародьем хотя бы потому, что со времён революции и гражданской войны, со времён Великой Отечественной в памяти коренного народа было прочно заложено понимание того, что всякое посягательство в России на государство, всяческая тотальная борьба с ним рано или поздно оборачивается всенародной бедой и унижением наших людей перед чужеземной волей.

Никогда эта интеллигенция не понимала Пушкина, не желавшего **“сменить Отечество или иметь другую историю, кроме той, которую нам дал Бог”**. Е. Е., называя себя “пушкинианцем”, тем не менее демонстративно глумился в “Казанском университете” над историческим символом русского государства – “Медным всадником”:

*Не раз этот конь окровавил копыта,
но так же несёт он скачет во тьму.*

*Его под уздцы не сдержат! Динамита
в проклятое медное брюхо ему!*

Эти суперреволюционные стихи Евтушенко стоят в одном ряду с известными стихами Джека Алтаузена **“Я предлагаю Минина расплавить”**, со стихами Демьяна Бедного, призывавшего все великие памятники тысячелетней России **“взрывать не порохом, а динамитом”**, со стихотворным разговором Шлёмы Корчака (он же Семён Кирсанов), который он вёл с памятником Петру Великому:

*— Смысл ваших речей разжуя,
за бравадою вижу я
замаскированное хитро
монархическое нутро.
И если будете вы грубить —
мы иначе поговорим
и съедем новую, может быть,
столицу для вас — Нарым!*

Все по духу русские таланты — Ярослав Смеляков, Даниил Андреев, Алексей Толстой — восхищались собирателями Руси, строителями, полководцами — Иваном Калитой, Иваном Грозным, Петром Первым, Александром Суворовым. А русскоязычные — Семён Кирсанов, Наум Коржавин, Давид Самойлов — возмущались их деяниями и высмеивали их.

Евтушенко, называвший себя “пушкинианцем”, прожив долгую жизнь, так и не понял, что Пётр Первый, наряжавший свою элиту в европейские парики и камзолы, упразднивший русское православное патриаршество, стригший бороды у бояр, не жалевший чёрную мужицкую кость при строительстве Петербурга, приговоривший своего неверного сына к смерти, был дорог и притягателен для Пушкина не этими деяниями, а победами, легендами, мифами и той готовностью к самопожертвованию во имя будущего России, которую мог почувствовать только родственник петровскому гению пушкинский гений.

Трагедийность российской истории была заключена в том, что к концу двадцатых годов в нашей идеологической системе сформировались антинациональные силы, создавшие концепцию, по которой за все многовековые грехи феодально-самодержавного, крепостнического периода нашей истории предьявлялся политический и идеологический счёт русскому народу и русской культуре. Они как бы объявлялись ответственными за всё несовершенство минувшего тысячелетия. Эта антирусская, антинациональная в своих крайних формах идеология оправдывала в XX веке жестокие репрессии по отношению к русскому крестьянству как к реакционному классу, оправдывала разрушение великих памятников русской культуры и истории, якобы обслуживавших идеологию самодержавия, объявляла русский национальный характер консервативным, бездеятельным, неспособным к строительству нового общества. Вот, к примеру, какую программу культурного строительства развёртывала перед читателем массовая коммунистическая пресса 30-х годов:

“Пора убрать исторический мусор с площадей. В этой области у нас накопилось немало курьезов. Ещё в прошлом году в Киеве стоял (а может быть, скорее всего, и по сей день стоит) чугунный “святой” князь Владимир.

В Москве напротив мавзолея Ленина и не думают убираться восвояси “гражданин Минин и князь Пожарский” — представители боярско-торгового союза, заключённого 318 лет тому назад на предмет удушенья крестьянской войны. Скажут: мелочь, пустяки, ничему не мешают эти куклы, однако почему-то всякая революция при всём том, что у неё были дела поважнее, всегда начинается с разрушения памятников. Это вопрос революционной символики, и её надо строить планоно, рационально. Уцелел ряд монументов, при идеологической одиозности не имеющих никакой художественной ценности или вовсе безобразных — ложно классический мартосовский “Минин-Пожарский”, микешинская тумба Екатерина II, немало других истуканов, уцелевших по лицу СССР (если не ошибаюсь, в Новгороде как ни в чём не бывало стоит художественный

и политически оскорбительный микешинский же памятник 1000-летию России) – все эти тонны цветного и чёрного металла давно просятся в утильсырьё. Если сама площадь “требует” монумента, то почему бы с фальконетовского Петра I не сцарапать надпись “Петру Первому – Екатерина Вторая”, и останется безобидно украшающий плац, никому не известный стереотипный “Римский всадник” и т. д. Улицы, площади – не музеи, они должны быть всецело нашими”.

Это отрывок из статьи известного марксистского критика тех времён В. Блюма, опубликованной в газете “Вечерняя Москва” в 1930 году.

Обратим внимание, что в своём призыве к тотальному разрушению памятников русской истории и культуры нигилист тридцатых годов, в сущности, покушается на наследие Пушкина. Ведь все монументы и реалии, недостойные, по его мнению, существования в новую эру, – это герои пушкинского мира. Владимир Святой, отождествляющийся в русском былинном эпосе с Владимиром Красное Солнышко, – персонаж из “Руслана и Людмилы”; на фоне имён Минина и Пожарского развивается действие “Бориса Годунова”, вспомним мысль Пушкина о том, что “имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят, может быть, все наши старинные родословные”; “микешинская тумба” Екатерина II – действующее лицо “Капитанской дочки”; ну, а о “Медном всаднике” и говорить нечего... Словом, покушаясь на русскую историю, пигмей тридцатых годов покушался на Пушкина так, как ещё никто не покушался на него. Скепсис современников в конце жизни поэта, критика Писарева, невежественные призывы футуристов или догматические рассуждения Луначарского рядом с этой тотальной программой выглядят безобидным детским лепетом.

Но грянул 1937 год – столетие со дня смерти Пушкина, ставшее и государственным, и общенародным праздником, и мечты Блюма о разрушении Пушкинского мира окончательно развеялись. В 1937 году множество городов и посёлков получили имя поэта, по всему пространству Советского Союза возникло множество улиц, домов культуры, парков имени Пушкина. Было издано Полное академическое собрание его сочинений, со страниц советской прессы целый год не сходило его имя, дети в школах наизусть учили его стихи, повсюду целый год проходили вечера памяти поэта.

А что же делал в это время идеолог борьбы с историческим наследием России В. Блюм, в своё время приложивший много усилий, чтобы не допустить на сцену МХАТа пьесу М. Булгакова “Дни Турбиных”, которую он назвал “сплошной апологией белогвардейцев”? Он с ужасом видел, что на экраны страны вышли фильмы “Пётр I”, “Александр Невский”, а на сценах были поставлены опера “Иван Сусанин”, пьеса “Богдан Хмельницкий”, что страна от интернационализма поворачивала не просто к патриотизму, но к “русскому великодержавному шовинизму”. И Блюм садится писать письмо Иосифу Сталину.

“Москва. 31.1.39 год.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Люди нашего с Вами поколения воспитались в обстановке борьбы за интернациональные идеи – и мы не можем питать вражды к расе, к народам: мы всегда будем считать “своими” Мицкевича, Гейне, немецкого рабочего <...> бить врага фашиста мы будем отнюдь не его оружием (расизмом), а оружием гораздо лучшим – интернациональным социализмом... Всесоюзный Комитет по делам искусств берёт ставку на всякий “антипольский” и “антигерманский” материал <...> несмотря на то, что мы видели антигерманский характер нашей белогвардейской контрреволюции”.

Полностью пересказывать это письмо – дело неблагодарное, и Сталин, конечно же, не ответил “члену партии с июля 1917 года”. Товарищ Блюм был вызван на беседу в ведомство Жданова, которое констатировало, что “В. Блюм считает, что идёт пропаганда расизма и национализма в ущерб интернационализму”, что “исторический Богдан Хмельницкий подавлял крестьянские восстания и являлся организатором еврейских погромов... В. Блюм недоумевает, почему сейчас так много идёт разговоров о силе русского оружия, которое служило в прошлом средством закабаления и угнетения других народов <...> В отделе пропаганды ЦК ВКП(б) В. Блюму было указано на ошибочность его теоретических положений <...> С этими указаниями В. Блюм не согласился...”

Ну, не согласился, и ладно. Главное в том, что беседа была проведена и что письмо к тов. Сталину стало последним сочинением не понимавшего, “какое время на дворе”, еврея-интернационалиста, искренне не любившего мир исторической России, мир Александра Пушкина. Возможно, что В. Блюм стал “жертвой незаконных политических репрессий”. Но логика истории той эпохи была такова, что количество блюмов, ратовавших за дружбу с “немецкими рабочими”, после 1937 года значительно сократилось, что помогло нам выиграть войну и не сдать врагу город, построенный по воле Петра Великого, сидящего со времён Екатерины Великой на “бронзовом коне”, столь ненавистном В. Блюму и Е. Евтушенко и столь дорогим сердцу Александра Пушкина:

*Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.*

Всадник и конь – это, по Пушкину, единое целое, как у Фальконе, и это целое называется в роковые времена “единством власти и народа”.

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

А что же при такой власти происходит с тёзкой Евтушенко чиновником Евгением из “Медного всадника”? Что случилось с его бунтом, которому вторит наш Евгений, проклиная Медного всадника за то, что у его коня “окровавлены копыта”, за то, что его “под уздцы не сдержат”... И он бросает в лицо бронзовому всаднику: “Динамита в проклятое медное брюхо ему”... Но из этого бунта у нашего Евгения тоже ничего не получается, он тоже “бежать пустился” и добежал аж до Америки. И если пушкинского Евгения похоронили на пустынном острове: “Нашли безумца моего // и тут же хладный труп его // похоронили ради Бога”, – то прах его тёзка, нашего “пушкинианца”, как он сам себя аттестовал, упокоился тоже на своеобразном острове – в патриархальном сталинском Переделкино. Е. Е. так и не успел сказать Путину: **“Добро, строитель чудотворный!”** А бессмертному красавцу-коню, на котором гарцевали и Вещий Олег, и монах Пересвет, и “властелин судьбы” Пётр, и командир Первой конной Семён Будённый, и маршал Георгий Жуков на параде Победы, “бедный безумец” Евгений жаждал “разорвать брюхо динамитом!” А ведь из этой же конской породы были “кони НКВД”, изображённые мной в стихотворении “Очень давнее воспоминание”, которое Евгений Александрович не смог не напечатать в своей антологии “Строфы века”... За что я ему благодарен, хотя он в предисловии к этой публикации не удержался и упрекнул меня за то, что, любясь “конями НКВД”, я вольно или невольно, но прославляю силу государства, то есть “медного всадника”.

В его поэме “Непрядва” русские князья, прислушиваясь к знамениям природы в ночь перед Куликовской битвой, печалются о том, что им слышится плач не только русских, но и ордынских матерей. С такими фальшивыми чувствами нечего выходить на смертный бой. “Нет чужеземцев – есть земляне”, – вещает Е. Е. Да все мы земляне. Но когда одни “земляне” поработают других, они называются “чужеземцами” и “врагами”.

Однако наши “шестидесятники”-либералы, надо отдать им должное, в отличие от Евтушенко, не раз обращались к Пушкину. Белла Ахмадулина писала о том, что Пушкин “смеялся и озорничал”. И это правда. Андрей Вознесенский благоговел перед тенью Анны Керн: “Ах, как она совершила // его на глазах у всех – // Россию завороживший // смертельный грех” (наверное, он хотел сказать “смертный”? – **Ст. К.**). Да и сам Евтушенко, видимо, позабыв, что он призывал взорвать при помощи динамита “бронзовое брюхо коня”, поклялся, что он любит не просто Россию, а “её Пушкина, Стеньку и её Ильича”... Но все обращения детей XX съезда к Пушкину выглядят пустословными и мелкими рядом со стихотворением “нашего шестидесятника” Анатолия Передеева “Дни Пушкина”, написанного в 1984 году к 185-й годовщине со дня рождения Александра Сергеевича:

*Всё беззащитнее душа
В тисках расчётливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из тёмной власти барыша.*

*Всё обнажённой его суть,
Его продажная основа,
Где стоит всё чего-нибудь,
Где ничего не стоит слово.*

*И всё дороже, всё слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.*

*Звучи, божественный глагол,
В своём величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...*

*Ты светлым гением своим
Возвысил душу человечью,
И мир идёт к тебе навстречу,
Духовной жаждою томим.*

“Тёмная власть барыша”, “преступная бездушность”, “всемирная бездушная пошлость” – не в бровь, а вглаз всё это сказано о сегодняшнем мире...

Тема – Иосиф Сталин и русская поэзия XX–XXI века – бесконечна. На моих книжных полках лежит неизданный двухтомник поэтической антологии “Иосиф и его музы”, в котором собраны все искренние и талантливые стихи русских поэтов о Сталине. Прославляющие и проклинающие, гневные и мудрые, языческие и христианские. В антологии присутствуют четыре поколения поэтов: поколение свидетелей революции, поколение поэтов, родившихся в 1920-е годы, названное “солдаты и зеки”, поколение “ихних” и “наших” “шестидесятников” и поколение поэтов, родившихся после смерти Сталина. В антологии более пятисот страниц и более двухсот авторов. По этой антологии можно изучать историю нашей страны, при работе над главой “За Родину... За Сталина...” я использовал лишь небольшую часть “просталинского” и “антисталинского” взрывного вещества, в который раз перечитывая, перелистывая толстенный фолиант и бормоча про себя пушкинское, незабываемое, поддерживающее меня всю мою жизнь:

*Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущённые народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.*

Составляя эту антологию, мы с сыном, можно сказать, чувствовали, как качаются то вниз, то вверх – то во славу Сталина, то в осуждение его – весы истории. Страшно подумать, что может случиться такое, что Россия, чтобы не погибнуть, вызовет к жизни из глубин своей истории инстинкт самосохранения, и он продиктует ей единственный путь к спасению. И тогда в обществе и народе в короткие сроки созреет мысль о диктатуре, новом самодержавии, мобилизационной экономике, самоограничении и неизбежных на этом пути

репрессиях. Мы снова сможем ухватиться за спасительную нить, как хватались за неё все великие и жестокие властители русской истории, преодолевшие смутные времена, — Иван Грозный, Пётр Великий, Иосиф Сталин... Для того чтобы осознать, насколько это возможно, мы и работали многие годы. Не может быть, чтобы столько талантливейших поэтов России тянулись умом и сердцем к явлению Сталина из корысти, по глупости или наивности, либо страха ради иудейска... Нет, на деле всё обстоит гораздо серьезнее...

А в доказательство того, что в воздухе нынешней России вновь витает идея новой спасительной диктатуры — политической, нравственной, религиозной, — не знаем, какой она будет, — мы завершили поэтический раздел книги стихами поэтов, большинство из которых родились после Великой Отечественной. Они выросли в относительно спокойное и свободное время, но, когда в России началась очередная смута, превосходящая все предыдущие, то даже они, рождённые во второй половине XX века, вдруг вспомнили роковое и мистическое имя “Сталин”.

Лишним подтверждением этой мысли служат строки из письма минского поэта Михаила Шелехова:

“Высылаю стихи о Сталине. Первые я написал ещё в детстве. Всю жизнь у нас дома висели портреты Сталина, отец их не убирал никогда. Поэтому, должно быть, влияло. Потом я писал о Сталине, часто даже не думая, что пишу о нём. Таких стихов у меня множество. Шёл с ним у меня разговор. Позже я стал со Сталиным встречаться во снах. Но это отдельная тема.

Спасибо за предложение — о подборке сталинских стихов. Наконец чья-то светлая голова решила делать такую книгу. Давно пора”.

Дальше шла целая книга стихотворений Шелехова, из которых приведу лишь одно, чтобы показать, какими чувствами жил поэт, родившийся после смерти Сталина и возмущавший в эпоху олигархов, ренегатов и партийных расстриг.

ЗАКЛИНАНИЕ

*Из гроба встань на час, товарищ Сталин!
И погаси горящую Чечню,
Как чертову Кавказа головню
И как гасить нам деды завещали.*

*Товарищ Сталин, встань на час из гроба!
И погаси горящую Москву,
“Титаник” полумёртвый на плаву,
Проклятую и дымную утробу.*

*Товарищ Сталин, встань на час жестоко
К безумному и дикому рулю!
Дай роющему гибель кораблю
В пучине — императорское око.*

*Товарищ Сталин, встань ногой на выи
Бесстыжих сих — и смертью одари.
Всего лишь час на родине — цари!
...Но даже часа нету у России.*

1993

Смотрю на расширенную рукопись нашей “Сталинианы”, перебираю уже пожелтевшие и выцветшие страницы, наталкиваюсь на поэмы, на циклы стихотворений, на строчки, написанные слезами, душою, благоговением, ненавистью, кровью...

А вот на очередной странице антологии — строчки из знаменитого сталинского цикла, написанного рукой переделкинского небожителя Бориса Пастернака, который внезапно понял, что ему близки и дороги “и смех у завалин, и мысль от сохи, и Ленин, и Сталин, и эти стихи”... В роковом 1937-м, когда Мандельштам был арестован, и Сталин, позвонивший по телефону Пастернаку, спросил небожителя, как он относится к стихам Осипа Эмильевича, Пастернак стушевался и пролепетал что-то несуразное, на что Сталин ответил:

“Мы, революционеры, своих товарищей защищали более самоотверженно”, — и положил трубку... А ведь всего-то навсего Борису Леонидовичу вспомнить бы строчки Осипа Эмильевича и прочитать их вождю:

*И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.*

Глядишь, и Осип Эмильевич остался бы в живых... Думая об этом, я со вздохом отложил страницу с мандельштамовской одой и вытащил наугад из бумажной груды стихотворение неизвестного поэта, ветерана Великой войны Валерия Алексеева, жившего в начале 3-го тысячелетия в Ангарске. И оно произвело на меня впечатление не меньшее, нежели стихи Осипа Эмильевича и Бориса Леонидовича...

МОЛИТВА СТАЛИНИСТА

*Уж ты прости меня, Отчизна,
я жил великой цели для
и, веря в царство коммунизма,
не нажил лишнего рубля.
Жил не валютой пресловутой,
а солнцем сталинских идей...
О, где ты, наш правитель лютый,
восстань из гроба хоть на день!
В стране потряслось у нас такое,
что сердце ёкает в груди.
Восстань!.. И твёрдою рукою
порядок строгий наведи.
Я был под Брестом и под Псковом,
но не погиб в бою от ран...
И я тебя, отца родного,
прошу как старый ветеран:
устрой стране головоломку
и разберись, кто друг, кто враг?!
По тем, кто начал перестройку,
давно соскучился ГУЛаг.
Для новоявленных баронов,
в царьки шагнувших из нулей,
колючки ржавой и патронов,
прошу тебя, не пожалей.
Услышь одну молитву-оду,
восстань из гроба хоть на день
на радость нашему народу
и китель праздничный надень!
г. Ангарск
2003*

И этому ветерану-сталинисту вторит поэт, родившийся после Великой Отечественной через десять лет! Не зная стихов Алексеева, он по какому-то наитию произносит свою молитву и называет её точно так же, как его единомышленник. Я не знаю, какова литературная судьба этого ленинградца, да это и не важно. Я ничего не знаю о нём, кроме того, что его зовут Александр Люлин.

СТАЛИНИСТ

*Приблизились ночи хрустальные:
Идеи-курки взведены...
Восстаньте, наследники Сталина,
Чистейшие люди страны!*

*Очистим от нечисти Родину —
Воспрянет Отчизна моя!
Пусть Солнце горит ярким орденом
На пиджаке бытия.*

А что касается всех знаменитых поэтов, написавших яростные антисталинские стихи, то история неожиданно посмеялась над ними.

Дело в том, что самый главный враг Сталина Адольф Шикльгрубер-Гитлер был даже по сверхчеловеческим меркам существом страшным, но по-своему выдающимся, и нам, победившим не просто Германию, но всю коричневую европейскую империю Гитлера, надо задуматься над некоторыми размышлениями, которые были записаны им на бумаге, когда он ещё не был вождём, фюрером, а был всего лишь навсегда ефрейтором кайзеровской армии, начинающим публичным оратором, сидевшим в 1924 году в баварской тюрьме за игрушечный пивной путч и написавшим в недолгой неволе книгу “Моя борьба”, которая была в несколько последующих лет переведена на многие языки мира и напечатана в количестве десяти миллионов экземпляров. Только лишь прочитав эту книгу, можно понять, почему этот “сверхчеловек” сначала был вознесён судьбой на вершину власти, славы и почитания, а потом низвергнут в пучину катастрофы и позора вместе со своим “сверхвеликим народом”. Но то, что он не был глупцом, — об этом свидетельствуют слова о Сталине, сказанные им в тесном кругу соратников 22 июля 1942 года в разгар боёв под Сталинградом:

“И чем больше мы узнаём, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся, что вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постоянно становились бы всё более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно деградировала. . .

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своём роде он просто гениальный тип. . . А его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырёхлетние немецкие планы. Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит Черчилля и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись”.

А насмешка истории над антисталинистами Евгением Евтушенко, Александром Галичем-Гинзбургом, Иосифом Бродским и другими заключается в том, что каждый из них старался, подобно Адольфу Шикльгруберу, сделать всё, чтобы “люди масштаба Сталина” больше никогда не появлялись в русской истории и в русском народе. . .

* * *

В 1937 году, который так проклинали либералы-шестидесятники, вся наша страна читала, вспоминала и заново осмысливала творчество и судьбу Александра Сергеевича Пушкина в связи со столетием со дня его смерти. Удивительно то, что это обстоятельство не накладывало никакой траурной пелены на встречи писателей и читателей, на чувства народа, на деяния власти. Одно несколько озадачивало меня, когда я изучал общественную жизнь пушкинских дней тридцать седьмого года: не удавалось мне найти свидетельств того, как Иосиф Сталин относился к этому юбилею, в который, конечно же, были вложены его мысли и его понимание истории.

Лишь совсем недавно мне удалось разыскать документ, который убедил меня, что у Сталина было своё поразительное осознание того, чем был Пушкин для нашей страны и её народа. Вот что написал об этом один из виднейших военных людей сталинской эпохи.

“В конце 1944 года на очередном заседании ГКО обсуждались новые образцы вооружения, в том числе и армейские радиостанции. Докладывал начальник связи Красной Армии И.Т. Пересыпкин. Сталин остался недоволен большими габаритами радиостанции и её малой дальностью действия, но вдруг сменил тему.

– Мне стало известно, что некоторые работники министерства иностранных дел тайком ведут интенсивные переговоры с представителями императора Эфиопии Хайле Селассие о перенесении праха Пушкина из Святогорского монастыря в Аддис-Абебу, на родину его предков. Они начисто забыли, кем является для нас Пушкин – национальной гордостью и величайшим достоянием. Я не позволю глумиться над могилой поэта, вороша его останки! Вот наглядный пример того, как сверхдружеские связи заслонили собой государственные интересы. В этой связи становится понятно, почему появляются на свет столь никудышные радиосредства!

После этой жёсткой тирады лица Молотова и Пересыпкина пошли багровыми пятнами. И вскоре, как по мановению волшебной палочки, ускорилось издание Полного собрания сочинения Пушкина, начатое в 1937 году.

Николай Николаевич Воронов,
главный маршал артиллерии”

(Из книги Юрия Изюмова “Сталин не ушёл в прошлое”. М., 2016 г. С. 325).

Вот так пушкинские дни тридцать седьмого года переплелись в истории СССР с заботами о вооружении Красной Армии и с распоряжением Сталина считать Александра Сергеевича русским национальным поэтом, несмотря на интриги императора Эфиопии.

Всё успевал Иосиф Виссарионович – и Пастернаку позвонить, и с Троцким расправиться, в языкознание внести свою лепту, и Сталинские премии вручить кому надо...

Ну как не назвать его “гением всех времён и народов”!

(Продолжение следует)